

ВЯЧЕСЛАВ СОФРОНОВ

СИБИРИАДА

ОТРЕШЕННЫЕ
ЛЮДИ

Сибиряда

Вячеслав Софронов

Отрешённые люди

«ВЕЧЕ»

Софронов В. Ю.

Отрешённые люди / В. Ю. Софронов — «ВЕЧЕ»,
— (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-7264-0

Царствование императрицы Елизаветы Петровны – время весьма авантюрное и динамичное. Тобольский посадский Иван Зубарев грезит открытием серебряных приисков на Урале и лично подает императрице прошение об этом. Сам академик Ломоносов делает пробы из привезенных им руд, а судьба сводит его с братьями Шуваловыми, канцлером Бестужевым и известным вором-сыщиком Ванькой Каином... Роман «Отрешённые люди» известного сибирского писателя Вячеслава Софронова является первой частью тетралогии, посвященной государю Иоанну VI Антоновичу, открывая неизвестные страницы исторического прошлого.

ISBN 978-5-4484-7264-0

© Софронов В. Ю.
© ВЕЧЕ

Содержание

Часть первая. Оглашенный Зубарев	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	43
Глава 10	50
Глава 11	56
Глава 12	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Вячеслав Юрьевич Софронов

Отрешённые люди

© Софронов В.Ю., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

Дочери моей Елизавете посвящается

Историческая справка

«Желание сократить силы короля прусского не могли ослабить показания тобольского посадского Ивана Зубарева, который содержался по разным делам в Сыскном приказе, бежал оттуда, жил за границею, возвратился и был схвачен у раскольников. Через посредство Маништейна, бывшего адъютантом у Миниха и по воцарению Елисаветы перешедшего в прусскую службу, Зубареву было предложено ехать к раскольникам и возмущать их в пользу Ивана Антоновича... Но Зубарев вместо Холмогор попал в Тайную канцелярию. Показания его имели следствием то, что, как мы видели, Ивана Антоновича перевезли тайком из Холмогор в Шлюссельбург».

С.М. Соловьев.

История России с древнейших времен. Т. 24.

М., 1998. С. 343.

Часть первая. Оглашенный Зубарев

Глава 1

Старый сибирский тракт тянулся между березовых перелесков и неглубоких, плотно укрытых снегом, ложков, поблескивая наезженными колеями, как вынутая из ножен сабля, указывая острием точно на север. По зимнику тяжелой рысью бежала заиндевелая каряя лошадка, укрытая от мороза серой солдатской попоной. Она словно нехотя тянула за собой сани-розвальни с тремя седоками в них.

Правил, сидя верхом на дубовом бочонке, уперев острые колени в облучок, рыжеусый казачий вахмистр Серафимыч. Рядом с ним, полулежа, чуть откинувшись на солому, расположился небольшого росточка помощник волостного пристава Яшка Ерофеич. А уже дальше, на задке, лежал стянутый веревками крест-накрест купецкий сын Иван Зубарев. Яшка время от времени тер рукавицей замерзший за дальнюю дорогу свой большой сизый нос и недобро взглядывал на Зубарева, ехидненько при этом улыбаясь. Иван старался не обращать внимания на красноречивые взгляды пристава, скрипел от злости зубами, но как ему выпутаться из непростой ситуации, в которую он по собственной глупости угодил, и не представлял. Вся надежда была на отца и своих сродных братьев, если по прибытию в Тобольск удастся дать им весточку. Но в город они доберутся, по подсчетам Ивана, не раньше завтрашнего вечера, а пока... пока он вглядывался в просветы меж деревьями, что плотной стеной стояли вдоль тракта, ловил краешек голубевшего неба и в который раз вспоминал начало той истории, которая закончилась его арестом и отправкой в родной Тобольск, из которого он столь неосмотрительно кинулся искать правду по всему белому свету. Жил бы и дальше при отце, при торговле, как и прочие его ровесники, те же сродные братья Корнильевы, обзавелся семьей, о чем не раз говорили ему и мать и отец, и глядишь, тихо-мирно прожил эдак до старости. Может, и прав был отец, когда советовал не браться за это дело, всячески отговаривал, но вот Иван настоял на своем, а теперь связанным возвращается обратно.

...Семейство Зубаревых уже не первый век как обосновалось в Сибири и пустило там крепкие корни. Отец Ивана, Василий Павлович, имел в городе и окрестностях несколько торговых лавок, вел торговлю и на Ирбитской и Макарьевской ярмарках, но сыну своему, хоть тому и было под тридцать, дело передавать не спешил, да и иных дел серьезных не поручал. Обычай этот унаследовал от своего отца, вышедшего из раскольниковской семьи, не признающей никониан-трехперсников. А по их разумению, неженатый парень к делу приставлен быть не может, пока не введет в дом невесту, и лишь после того станет во всем равен отцу.

Василий Павлович Зубарев искал сыну невесту из семьи состоятельной, равной себе по положению, чтоб, соединив капитал, как когда-то сделал его отец, с удвоенными силами вести торговлю, ширить прибыль, доход. Но Иван его слыл в Тобольске за жениха хоть и прибыльного, но непутевого из-за своих заморочек и правдоискательства. Имел он обыкновение поймать за руку своего соседа-купца, что думал втихушку сбыть заплесневелый товар, малость обвесить, обмишурить хоть на полушку хозяйскую кухарку, спозаранок, не проснувшись, заявившуюся на базар. Не любил Иван Зубарев и полицейских чинов, которые распускали руки по любому случаю и не один раз нещадно тузили его за излишнюю горячность и обидные слова.

Пробовал Иван писать и губернскому прокурору, самому губернатору, а мог и в Сенат накатать на гербовой бумаге за три копейки лист (деньжищи для простого человека преогромные), жалобу на всех местных начальников. Чего уж в тех жалобах было правдой, а что нет, то кроме него самого, вряд ли кто знал. Но случалось, ехали из столицы большие люди, в чинах,

учиняли в губернии проверки, ревизии, после которых местное чиновничье начальство становилось еще злее и угрюмее. Но Ивана Зубарева трогать боялись, резонно полагая, что о том моментально станет известно в Петербурге, но и дружбу с правдолюбом водить кто-то из соседей или его ровесников опасались, и не то чтоб сторонились, но в друзья не набивались. Правда, выручала многочисленная родня со стороны матери, Варвары Григорьевны, урожденной Корнильевой, чей род известен был во всех сибирских уездах удачливостью в торговых делах и умением сухими выходить из воды.

Еще в приснопамятные времена князя Гагарина сдружился с губернатором дед нынешних Корнильевых, Григорий, получил от него винные откупа по всей губернии, подряды на строительство и обустройство дорог, взял на всем том жирный куш, а когда князя повезли на праведный царский суд, то посчитал за лучшее уехать на несколько лет на север, где сдружился с местными князьками из инородцев. Когда старому Григорию Корнильеву пришла пора помирать, то сыновьям своим и единственной дочери, Ивановой матери, Варваре, оставил капитал немалый, а самое главное – имя купеческое, которое иной раз дороже любого векселя было.

И сыновья его, войдя в силу, крепко зацепились за торговый промысел и уже своим детям передали не только имя и деньги, но и дома, лавки, заимки под городом, рыбные пески, честных приказчиков, обозных людей, от которых в налаженном купеческом хозяйстве иногда больше зависело, чем от самого хозяина.

Варвару сосватал Василий Павлович Зубарев, из большой старообрядческой семьи, человек трезвый, разумный, крепко стоящий на собственных ногах. Получил за нее хорошее приданое, которое тут же пустил в оборот, и хотя по достатку не достиг значимости сватов, но и последним купцом в губернии не был. Последние годы, правда, наделал долгов, вошел в убытки по причинам, от него мало зависящим, – пьяный кормщик утопил баркас с вяленой рыбой, – а потеря товара всегда горе и разор. Потому особенно сейчас Василий Зубарев тщательно подыскивал сыну невесту с добрым приданым, обхаживал даже стародавнего друга, купца же, Ваську Пименова, чья дочь Наталья была в том самом возрасте, когда из девки становятся невестами, а потом и женами, матерями. Василий Павлович полагал, что Натальино приданое должно хватить на покрытие долгов, а Иван после женитьбы сядет в одну из лавок и при своем уме сумеет через год-другой опереться, завести собственный дом, отделиться от родителей и безбоязненно смотреть в будущее.

Все было бы хорошо, если бы Зубарев-младший думал одинаково с отцом и бросил свои выходки по правдоискательству, не становился раз за разом посмешищем для всего городского люда, которые узнавали невесту откуда о его письмах на имя губернатора и прокурора и с издевкой шушукались вслед отцу, а на сына прямо-таки пальцами тыкали. Может, и смог бы Василий Павлович убедить сынка в неуместности и очевидной глупости подобных затей, да нашел тот себе единомышленника из числа двоюродных братьев Корнильевых, Михаила Яковлевича, ныне занимающего высокую должность президента городского магистрата, ни в чем не упускающего личную корысть и сумевшего разжечь у Зубарева-младшего страсть к правдоискательству.

И нынче, перед открытием в Ирбите ярмарки, соблазнил он Ивана отправиться тайно туда и высмотреть все нарушения, творящиеся там, а потом, поймав с поличным наблюдающих за торговлей таможенников или иного кого, сообщить о том губернатору и в знак благодарности за изобличение ждать награды немалой. Сам Иван мечтал не столько о награде, как о сладостном миге, когда докажет всем и вся, насмешничающих над ним, что не лыком шит, а делает важное государево дело, что самому прокурору губернскому сделать не под силу.

И вот теперь он лежит на соломе, связанный и беспомощный, и везут его не иначе как обратно в Тобольск для предания позору, а то и еще чему похуже.

Сани глухо ударились о ледяную кочку, подпрыгнули, накренились, и Иван, не в силах удержаться, больно ударился грудью о непокрытый соломой настил, зло выругался, сплюнул сквозь разбитую кровотокающую губу.

– Чего, не нравится? – спросил, чуть повернув в его сторону голову, Яшка Ерофеич, тускло сверкнув в сумерках изъеденными, щербатыми зубами. – А ты думаешь, честным людям нравится, когда ты на них напраслину возводишь? Помайся, покряхти, потужься, авось, пока до Тобольска доедем, и поумнеешь чуть.

– Убью, собака! – не сдержав злости на помощника пристава, выругался Иван.

– Да ты никак меня пугать вздумал? Да я тебе сейчас так вдарю... – Яшка поискал глазами, чем бы можно было побольней огреть обидчика, но, ничего не найдя, с размаху вмазал, целя по губам, тяжелой заиндевевшей овчинной рукавицей. Но промахнулся, зацепил по глазу, и боль на короткий момент ослепила Зубарева, он дернулся и, поджав в коленях ноги, изловчившись, саданул подошвами сапог в близкую Яшкину, злорадно ухмыляющуюся физиономию. Тот едва не вылетел из розвальней, громко взвыл и заорал казачьему вахмистру:

– Эй, останови коней, тебе говорю! Где у тебя топор?! Зарублю гада! – Вахмистр, не оборачиваясь, натянул поводья, не спеша повернулся к Яшке, который уже успел отыскать под соломой завернутый в дерюгу топор, схватил его за рукоять и теперь принаравливался как бы ловчее ударить им Ивана. Вахмистр выхватил из его рук топор. Для острастки саданул кулаком в живот, недовольно проворчал:

– Не балуй, нам его живым привести велено в острог. Ты убьешь али покалечишь, а мне ответ придется держать.

– Какой за него ответ? Замерз по дороге, и концы в воду. Он первый пообещал меня жизни лишить. Слыхал, поди?

– Эх, руки у меня связаны, а то бы я тебе показал...

– Помолчал бы лучше, – небрежно махнул рукой невозмутимый вахмистр, – а то заткну рот варежкой, и тогда вовсе слова не скажешь.

Понимая, что слова вахмистра не простая угроза, Иван замолчал и кинул злобный взгляд на Яшку, словно кипящей смолой обжег. Тот в ответ лишь развязно зевнул, выказывая полное презрение к пленному.

Меж тем вахмистр соскочил на землю, до ломоты в костях потянулся, расправил широко плечи и потянул носом воздух, затем не спеша нагнулся к саням, приподнял чуть бочонок, вытянул из него пробку, приставил деревянную кружку и наполнил ее до краев, поднес ко рту. По запаху, долетевшему до него, Иван понял, что в бочонке не иначе как крепкое, хорошей перегонки, ржаное вино, и тяжело вздохнул, понимая, его угощать не станут. А вахмистр деловито достал из дорожной сумы шмат сала, понюхал его, довольно осклабилсся и по-волчьи куснул, смачно зачавкал, поводя заледеневшими рыжими усами.

– Налей и мне, – почти жалобно попросил его Ерофеич, – озяб. Вахмистр продолжал жевать сало, отщипывая и отправляя в рот кусочки ржаного хлеба, словно не слышал просьбы помощника пристава, сосредоточенно уставясь на понурые стволы ближнего осинового, вперемежку с молоденькими березками, небольшого колка. – Слышь, Серафимыч, – вновь подал Яшка голос, – плесни и мне.

– Тебе, говоришь? – зевнув, переспросил вахмистр. – Можно и тебе, отчего ж нельзя. Купцы нам с тобой полный бочонок в дорогу дали, глядишь, и на обратный путь останется, но много не налью, не обессудь, – и подставил кружку под тонкую струю светлой жидкости, но наполнил кружку лишь наполовину.

– Эх, хорошо родимая пошла, – крикнул, возвращая кружку обратно, Яшка.

– Тебе, поди, тожесь налить? – обратился вахмистр к сопевшему на задке саней Зубареву.

– Налей, коль не шутишь, – отозвался тот, – а то как юрты татарские проехали, то ног совсем не чую.

Вахмистр нацедил ему полную кружку, что не укрылось от бдительных глаз Ерофеича, который, однако, промолчал, резонно не желая ссориться с вахмистром. А тот осторожно приподнял голову Ивану и медленно влил вино ему в рот, затем отмахнул ножом солидный кус сала, положил на краюху хлеба и держал так возле рта пленного, пока тот не закончил есть.

– Чего ты с ним тут цацкаешься? – не вытерпел наконец Яшка. – Под мосток бы спихнули, и дело с концом. К утру, глядишь, отошел бы уже. А то вези его, мерзни...

– Скорый ты больно, – равнодушно продолжая жевать, отозвался негромко Серафимыч. – Чем он тебя так обидел? Давно ли решил стать убийцей?

– Чем меня обидел? А я тут при чем? – Он быстро схватил с саней кружку, нагнулся и без спроса нацедил ее себе до самого верха из чуть заиндевело бочонка. – То он не меня обидел, а весь народ честной.

– Ага, честной, – прокашлявшись, сиплым голосом возразил Зубарев. – Много ли в вас, ворах, чести осталось?

– А сколь ни на есть, вся наша. – Яшка воровато зыркнул на Серафимыча, отступил от саней и там, смакуя, выпил вино, сморщил сизый нос, почмокал бескровными губами и потянулся, расхраб्रившись, опять же без спроса за салом.

– Я вас, воров, все одно на чистую воду выведу, – пыхтел, с трудом ворочаясь, Иван Зубарев, – а то взяли манер купцов обирать да денежки в карман к себе приворовывать. И ты, Яшка, в том воровстве замазан не меньше других, потому меня и страшишься.

– Мое дело – сторона, – ничуть не смутясь, с усмешечкой отвечал Яшка. – Ты меня словом своим никак обидеть не сможешь. Велено мне с тобой до Тобольска ехать, потому и тут я. А велел бы советник Коротнев чего другое, то...

– Мазурик он, твой советник! – с неожиданной яростью выкрикнул вдруг Зубарев, перебивая Яшку. – В остроге ему место, мошеннику! Отпишу в Сенат, и его мигом на дыбу поволокут, а следом и тебя, продувную бестию. Попомнишь тогда мои слова, когда палач тебе под босые пятки огонек подведет, запоешь соловьем, защелкаешь.

– Ой, испугались мы твоих рассказней, – вызывающе завихлял задом Ерофеич, слегка захмелевший. – Лежи да молчи, пока цел. А не то, не ровен час, не доедешь живым до Тобольска.

– Цыц, – с силой дернул его за рукав вахмистр. – Погрелись, и айда дале ехать. Ночь скоро, ночлег найти надобно, успеть бы до темноты.

Яшка тут же замолк, втянул голову в плечи и лишь кинул красноречивый взгляд на бочонок, когда Серафимыч грузно опустился на него. Когда лошадь чуть дернула пристывшие к дороге сани, то Яшка, зло скрипнув зубами, изо всех сил пнул кованым сапогом Зубарева, от чего тот съехал по соломе вниз, сполз к самому краешку саней и, не удержавшись, скатился на дорогу. Вахмистр тем временем хлестнул по боку лошаденку, чтоб шла поживей, и вскоре сани скрылись за ближайшим поворотом, оставив Ивана одного посреди зимнего сибирского тракта со связанными сзади руками лежать, уткнувшись лицом в сыпучий искристый снег.

Именно снег, набившись в рот и запорошив глаза, помешал Ивану крикнуть вслед удаляющимся саням. Он с трудом перевернулся на живот и попытался встать на колени, но после нескольких неудачных попыток сообразил, что сделать это лучше лежа на боку, и, наконец, тяжело отдуваясь, поднялся на ноги, раздосадованно, запоздало закричал, не надеясь, что его услышат, прислушался. Но до него донесся лишь удаляющийся перезвон бубенцов да крик возницы, подгоняющего уставшую лошадь. Тогда Иван попытался подобрать скатившуюся с головы шапку, присев на корточки, зацепил ее пальцами, но надеть обратно на голову одному, без посторонней помощи, со связанными назад руками, то мог сделать лишь кто-то из цирковых актеров, но не полузамерзший человек, которому сейчас и нос почесать рукой и то было невозможно. А потому он зажал шапку в горсть меж начавших стын timer пальцев и медленно побрел вслед за исчезнувшими из виду санями.

Зимние сумерки стремительно опускались на землю, меняя цвета из веселых, жизнерадостных на грустные с печальными длинными тенями от неподвижных стылых деревьев. Слева от Ивана, на бугре со стороны неглубокого оврага, расцвели высвеченные последними солнечными лучиками две могучих медностволых сосны, а справа прорезался на сером небосклоне рогатый месяц. Непокрытые шапкой уши стало пощипывать морозцем, приберегавшим силы к вечеру и теперь взявшимся за одинокого спутника без всякой жалости и пощады.

Поначалу Иван шел неторопливым шагом, радуясь неожиданному своему освобождению, но когда морозец пробрался внутрь, под шубу, начал шагать пошире, резко выбрасывая наклоненные вперед плечи, оставляя за собой небольшие, тут же таявшие в густом вечернем воздухе облачка пара. Вскоре он благополучно достиг густого ельника, обступившего с обеих сторон проезжую дорогу, и уже сделал несколько шагов в его полусумрак, как вдруг что-то подсознательно заставило его остановиться. Он внимательно поглядел в просветы меж деревьями, прислушался и явственно различил скрип снега и вслед за тем негромкое, но злобное урчание.

«Волки! – словно обожгло изнутри. – А я как младенец перед ними со спеленатыми руками. Аки агнец Божий! – вспомнилось вдруг. – Господи, помоги и помилуй мя...» – зашептал он горячо молитву и дернул правой рукой, попытавшись перекреститься, до него не сразу дошло, что и крест положить на себя перед погибелью не сможет. Хотел было побежать обратно по дороге, но неожиданно в нем проснулась непонятно откуда взявшаяся злость, нежелание отступать перед зверем, а он сызмальства был упрям и неуступчив, тем более здесь, на грани смертного исхода, не желал поддаваться слабости, испугу, и потому, набычив голову, остановился, замер.

Верно, и волков смутил вид стоявшего неподвижно человека, они не спешили выбираться из густого подлеска, и лишь серая тень мелькнула меж деревьев, да чуть скрипнул снег, и все вновь смолкло. «Будут темноты ждать, тогда и полезут», – решил Иван. Звери медлили, казалось, ждали чего-то, давая знать о себе лишь негромким редким порывиванием. Иван почувствовал, как начинают неметь от холода ноги, а вслед за ними и все тело. Глаза постепенно привыкли к сгущавшейся вокруг темноте, и он различил высунувшуюся из-за дерева острую волчью морду, жутко блеснули изумрудом с желтым переливом уставленные на него глаза. Волк сделал несколько осторожных шагов и вышел из-за дерева, но дальше не пошел, а встал напротив Ивана, внимательно, изучающе приглядываясь к нему в нескольких саженях от дороги.

«Может, он один? – мелькнула успокаивающая мысль. – Тогда отобьюсь». Но вслед за первым из леса вышла еще пара волков чуть меньше его ростом, более тощие, поджарые, из молодых, а чуть в стороне от них, проваливаясь в снег по брюхо, выбралась и волчица, норовя обойти Ивана со спины.

«Вот и вся семейка налицо! – усмехнулся он. – Сейчас остальных родичей собирать начнут». От этой совсем не смешной мысли он вдруг громко рассмеялся, и сиплый смех его прозвучал неестественно громко в ночной тишине. Волки вдруг вздрогнули от звука человеческого голоса, попятились назад, щеря клыки, а один из молодых опрометью кинулся обратно в лес.

– Ага, страшно стало! – зло заорал Иван, понимая, что его голос, крик сейчас остались единственной защитой, когда он даже палку взять в руки не может. – Думали так взять?! А вот и не вышло! Не дамся вам, аспидам! Шалишь! Зубами вас грызть стану, а не дамся!!! Ух, я вас!!! – И он сделал несколько шагов навстречу к зверям, затопал что есть силы ногами, завыл, зарычал, корча при том страшные рожи.

Волки опешили от подобной сцены, скакнул в лес второй молодарь, попятилась осторожная волчица, и лишь вожак остался на месте, злобно скаля клыки, топорща острые, чуть с проседью, уши. Иван чуть было не кинулся к нему прямо по целине, норовя побольнее пнуть ногой, как нашкодившую собаку, да вовремя одумался, сдержал себя, остановился, надсадно кашляя от попавшего в грудь морозного воздуха. Наконец, уняв кашель, решил погромче крикнуть,

надеясь пугнуть тем самым и жоака, что никак не решался перед и волчицей и молодыми волками показать свою слабость, но вместо крика изо рта вырвался дребезжащий, похожий на петушиный клекот. «Голос сорвал», – понял он и ощутил, как волны липкого страха побежали по телу, подбираясь поближе к беспорядочно застучавшему сердцу.

А жоак меж тем, так и не решившийся в одиночку напасть на человека, повернул морду в сторону дальнего леса и призывно, на низкой ноте, завыл, приглашая лесных собратьев на подмогу. Не прошло и нескольких минут, как с разных мест, через поле, ему отозвались такие же низкие, хватающие за душу голоса, и Ивану почудилось, будто он различил черные точки, медленнодвигающиеся по снежному насту в его сторону. Вспомнились добрые, с прищуром глаза матери, почудился запах сдобных калачей, которые он так всегда любил, в голове возник звон чего-то давнего, забытого. Он повернулся, испытывая полное безразличие, спиной к волкам и вдруг увидел мелькнувший меж деревьев огонек дорожного фонаря, лишь потом догадался, что слышит веселый звон колокольцев едущего навстречу ему крытого возка.

Ноги вмиг сделались ватными, и он медленно опустился на разбитую конскими копытами дорогу и облегченно, заранее смирившись со всем, закрыл наполненные невесть откуда взявшимися слезами глаза.

Глава 2

Тобольский губернатор Алексей Михайлович Сухарев в силу своего высокого положения нечасто появлялся в стольном сибирском городе, а все больше разъезжал по многочисленным окраинным городам и провинциям, проверяя вверенных ему воевод и прочие государевы службы. Губерния, которой он управлял, больше походила на королевство: от самого Тихого океана вплоть до Уральских гор распростерлись необъятные сибирские леса, тундры, степи, горные хребты и ущелья. Пока до конца губернии доберешься, хотя бы день другой в каждом городке задерживаясь, глядишь, полгода уже минуло. Но деваться некуда, служба, она служба и есть, терпи, коль очутился в губернаторском кресле, жди срока, когда обратно в Петербург призовут, иное назначение предложат. Ладно, коль подобра, а то всякое случиться может, скольких его предшественников по судам мыкали, до конца дней спокойно жить не давали.

Он со своей должностью птица малая, что кулик в гусиной стае, а иные из вельмож, на которых он ранее и глаз при встрече поднять не смел, теперь вот под его началом в местах не столь отдаленных очутились: герцог Курляндский Бирон – в Пельме захудалом, фельдмаршал граф Миних – в морозном Березове, граф Остерман, уж до чего увертлив был, а тожесь не миновал Сибири и, царство ему небесное, той мерзлой землицей и присыпан на веки вечные. Судьба-злодейка крутит человеком, словно буря древесным листом, зашвырнет, заведет в такую тмутаракань, что и язык не повернется название того гиблого места выговорить.

Алексей Михайлович сидел, откинувшись в кожаном кресле, упершись ладонями в подлокотники и чуть полуприкрыв глаза. Губернаторский дом, перестроенный еще до него прежними сибирскими управителями из старого воеводского, больше похожего на острог, чем на парадный дворец, хранил в себе десятки запахов, оставленных прежними постояльцами, иногда год, а то чуть поболее задерживающимися на сибирской земле. Тут смешался крепкий запах дегтя и подопрелой бумаги, несло кислой овчиной из плохо прикрытых дверей, а самое главное – изо дня в день неистребимо витал угарный запах от рано закрываемых извечно полупьяным истопником печных заслонок. Окна, по стародавнему сибирскому обычаю, наглухо запечатывались на зиму, и свежий воздух попадал в губернаторский кабинет разве что вместе с робко гнувшими спину посетителями и тут же исчезал, как снежинка, порхнувшая на жестяную поверхность жарко натопленной печи. Хотелось или открыть дверь настежь, впустить побольше свежего морозного воздуха, а еще лучше отложить все дела, коим конца-края не видно, и упасть в санки, поехать просто по городу, а лучше на плац парадную площадь, где в это время непременно муштровали набранных с осени рекрутов и можно вволю насмотреться и насмеяться на их крестьянскую неловкость, нерасторопность. Да мало ли куда мог отправиться хозяин города, края, не имея подле себя иного начальника, кроме портрета государыни императрицы, висевшего в тяжелой, аляповато сработанной раме позади губернаторского кресла. Но Алексей Михайлович, сызмальства приученный, что долг гражданский прежде всего и дело государственное требует полной отдачи сил и здоровья в придачу, не мог позволить себе этакой вольности, а потому изо всех сил терпел и угарный воздух, и духоту, и настырных купцов, битый час сидевших напротив и что-то невнятно излагавших вкрадчивыми голосами, и лишь изредка подносил к носу смоченный в уксусе большой платок с вензелем и, скрывая зевоту, согласно кивал долдонящим о чем-то своем просителям.

Купцов было трое – все крепкие, жилистые, мосластые, низкорослые, с косматыми бровями, азиатски широкоскулые, одинаково стриженные, да и близкие по возрасту. Сидели они степенно, зная себе цену, слова произносили с расстановкой, внимательно щупая глазами губернатора, цену которому тоже знали, на свой манер, конечно, поскольку так был устроен их мир, где они выросли и жили. И сам Сухарев знал о том, понимал, что за люди перед ним,

какого порядка, устройства, и скажи он им сейчас, мол, требуется на некое важное дело по тысяче рублей с каждого, не дрогнут, не вздрогнут, а поскребут в сивых кудлатых головах и начнут сбивать цену, жалиться на нелегкую долю, а потом все одно найдут, соберут, вывернутся, коль сам губернатор востребовал. Но знал Алексей Михайлович и другое – только заикнись он о деньгах или ином подношении, скажем, в полдень, как уже к вечеру начнут судачить на всех углах о мзде, испрошенной с купцов. Разговоры те дальше знакомцев и сродников не пойдут, но оступись он, пошатнись кресло под государевым портретом, как припомнят ему все грехи и грешочки от мала до велика, навалят с головы донизу, навешают всех собак, а чего доброго, иной доброхот наймет за штоф разведенного вина суетливого, вечно потного от страха и усердия яржку, и тот напишет, настрочит десять коробов не иначе как в правительствующий Сенат. А тогда... прощай карьера, губернаторское кресло, и счищай с себя до конца жизни грязь, помои, вылитые в урочный час правдолюбам, коим он ничего дурного сроду не сделал, да и они, чуть остыв, одумавшись, сами о том пожалеют. А потому Алексей Михайлович, будучи человеком неглупым и от природы осторожным, никогда без особой нужды не пользовался властью и положением для личной выгоды, но и не замечал забытых будто бы ненароком у себя в кабинете или приемной узелков, пакетиков, а то и котомок, одним ароматом выдававших ни с чем неповторимый дух жареного гуся или малосолого муксуна, поступая по обычаю предшественников и всех российских губернаторов, не брезгующих подобными подавляниями. Вот сейчас он привычно глянул купцам под ноги, ожидая увидеть что-то подобное, но, не найдя ничего интересного, постороннего для государственного помещения, отметил про себя, что пришли купцы с просьбой серьезной, которую гусем или даже поросенком не покроешь, и успокоился, даже повеселел, попробовал сосредоточиться, понять, чего хотят от него неулыбчивые просители.

– ...А потому терпим мы убытки от приказных, таможенных и других государевых людей, что, наоборот, должны нам помощь во всех делах оказывать, всячески беречь, охранять, о прибыли нашей печься, – по-сибирски нажимая на «а», словно на главной площади вещал старший из них, Михаил Корнильев, состоявший, если губернатору не изменяет память, выборным президентом городского магистрата.

«Ишь ты, чего захотел, – усмехнулся про себя купеческим словам Сухарев, – чтоб приказные о твоих прибытках думали! На кой им тогда служба, если они о своем собственном прибытке прежде всего пекутся, на твой купеческий карман пристально глядят, ждут, когда ты им оттуда денежку вынешь. Чудак человек», – чуть заметно усмехнулся он и стал слушать купца более внимательно, даже на время забыл про угарный запах и спертый воздух.

– На прошлый раз был я, ваше высокопревосходительство, в Ирбите, на ярмарке значится, – зачастил другой купец с чистыми как у малолетнего ребенка, голубыми глазами.

«Лев Нефедьев, – без усилия припомнил его Сухарев, – сказывали, будто бы его сынок в казачьем полку служит и квартируется в самом Санкт-Петербурге, и даже на часах несколько раз в царском дворце стоял. Может, и стоял, а может, и наврал родным, а те уже разнесли по городу, расславили... Но все одно, с этим ухо надо держать востро», – думал про себя губернатор, вглядываясь в родниковые глаза говорившего.

– И такие дела мне там открылись! – продолжал тот, смешно причмокивая пухлыми губами. – Лихоимство великое, ваше высокопревосходительство, вор на воре и воров погоняет.

Губернатор перестал слушать, вздохнул, поднес платок к носу и глянул на большие напольные часы, стоящие в углу кабинета. Скоро обед, и надо бы поскорее отделаться от настырных купцов, которые сами не знают, чего хотят, жалятся на весь белый свет и на его подчиненных. Он не Господь Бог, чтоб исправлять мир, им созданный. У него, сибирского губернатора, поважней забот предостаточно, коих никто, кроме него, решить не сможет, не сумеет. Еще в конце лета зашевелились вдруг киргизцы, придвинулись к степным крепостям,

требуют пропустить их внутрь губернии, где пастбища потучнее, будто бы много лет назад они теми землями владели. Мало ли что сто лет назад было. А он, сибирский губернатор, решай, как мирно и полюбовно не дать тем инородцам с голоду помереть, поскольку трава у них нынче худая совсем выросла, и как в глубь губернии не пропустить. Тайша ихний даже посла с грамотой к царице прислал, просит государыню помочь беде. Грамоту он, конечно, с курьером в столицу снарядил, а посла здесь, в Тобольске, попридержал, велел определить на содержание в приказной избе, пока ответ из Петербурга не получат. А киргизец этот требует, чтоб не иначе как каждый божий день ему молодого барашка резали, бабу для утех требует, вина, одежды новой. Вот народец! Подай им палец, так по локоть откусят. А тут эти крутоголовые купчины, словно дети малые, жалятся на обиды от приказных людей. Брякнуть бы кулаком по столу, чтоб они повскакивали да опромяу вон из кабинета кинулись и дорогу сюда надолго позабыли, ан нет, нельзя государственному человеку и вида показывать на дурь ихнюю непролазную, затем он здесь и посажен, чтоб слушать и жалобы те наверх далее не пускать.

– Ладно, разберусь с теми людьми, – повел голову в сторону секретаря Сухарев, что сидел у окна за небольшим неустойчивым столиком и держал наготове перо, регулярно обмакивая его в чернильницу, очищая о суконную тряпицу, всем видом давая понять готовность выполнить любой приказ, – запиши для пущей памяти. – Секретарь, с усердием наклоня напомаженную голову, заскрипел по толстой местной выделки бумаге, выводя аккуратные буквицы. – Все у вас? – спросил губернатор купцов, бросая очередной красноречивый взгляд на часы, где стрелке осталось пройти лишь одно деление до начала долгожданного обеда.

– Никак нет, ваше высокопревосходительство, – твердо выговаривая слова, заявил самый пожилой из них, Евсей Медведев.

– А ты на кого жалуешься? – брезгливо сморщился Сухарев, приготовившись выслушать очередную тираду о лихоимстве или о чем-то подобном.

– Прощение у меня, ваше высокопревосходительство, – вздохнул тот, и губернатор понял, что безнадежно опоздает на обед, а значит, опять встретит насупленную жену, которая из-за своей врожденной немецкой пунктуальности не терпела опозданий, а тем более отговорок о долге, службе и прочих пустяках, которые для нее, женщины, были не более чем скучными делами, без которых и так можно было бы жить без особых забот и хлопот.

– Говори, чего просишь, – ободряюще махнул в сторону Медведева ручкой Алексей Михайлович.

– Дозволения прошу вашего бумажную фабрику открыть, – чуть кашлянув, сообщил купец.

– Фабрику, говоришь? – удивленно поднял брови губернатор, не найдясь сразу, что ответить. – Зачем тебе фабрика?

– Как зачем? – в свою очередь недоуменно переспросил Медведев. – Бумагу на ней выделывать стану.

– И добрую бумагу али как эта? – ткнул в сторону секретарского стола пальцем Алексей Михайлович.

Медведев чуть прищурясь, посмотрел на лист, по которому торопливо бегало остро отточенное перо, и неожиданно широко улыбнулся.

– Так и думал, что ваше превосходительство о том спросит. Худая бумага и стоять мало будет, а за хорошую и цену добрую дадут.

– Правильно говоришь, – согласился Сухарев, не отрывая глаз от часовой стрелки, которая уже достигла самого центра цифры «12» и теперь медленно начинала преодолевать ее, напоминая губернатору о сведенных к переносью тонких бровях жены. – Чего от меня хочешь?

– Так я говорю, соизволения вашего испрашиваю.

– Где фабрику ставить думаешь? – Сухареву было абсолютно все равно, где купец замыслил ставить, будь она трижды неладна, свою фабрику, хоть у черта на куличках, лишь бы скорее

заканчивал, но привычное чувство государственного человека заставляло губернатора вновь и вновь задавать вопросы, вникать в суть дела.

– Заимка у меня имеется, от отца еще осталась, возле татарских юрт на речке Суклемке. Там и думаю...

– Суклемке, – вслед за купцом повторил Алексей Михайлович, хотя совершенно не представлял, где то место находится. – Работников нанимать станешь али как?

– Прикупить бы десяток человек, – заискивающе поглядел на губернатора купец.

– А сам не знаешь, что недозволено тебе, податному человеку, крепостных иметь. Не дворянин, поди.

– Иначе фабрику не пустить, – тяжело вздохнул Медведев.

– Нанять можно, – подсказал ему Нефедьев.

– Толк какой? – возразил Михаил Корнильев. – Им, коль чего не по нраву, то ноги в руки, и айда, куда глаза глядят. Лучше и не пробовать.

– Инородцев в услужение покупать дозволено, – намекнул Медведев и выразительно посмотрел на Сухарева, стараясь угадать, как тот отнесется к подобному.

Покупать инородцев в Сибири могли негласно практически все состоятельные люди, определяя их в прислугу или еще куда. Главным образом скупали детей у тех же киргизов или калмыков, реже у остяков, воспитывали их, оставляли у себя на службе, коль те сами не противились. Но никаких прав у владельца малолетнего инородца у русского человека не было, не то что в России, где господа владели целыми селами и деревнями, и самое главное, владели законно, с занесением того права на казенном документе, могли передавать и детям и продать, подарить. Тут же, в Сибири, когда случалась нужда в работных людях, то хоть закричись, предлагай любые деньги, а никто тебе не поможет. Хотя у всех купцов, да и у богатых мещан жили в работниках без паспортов или иных документов молодые парни и девки, и все закрывали на то глаза, включая самого губернатора. Сейчас Медведев предлагал, не стеснясь, без обиняков, что-то не совсем законное, что именно, Сухарев уловить пока не мог.

– Не пойму тебя, – потирая платком горячий лоб, переспросил он купца, – о чем речь ведешь?

– Татарские юрты там поблизости стоят, – осторожно пояснил тот, – я уже с муллой говорил, что молодых парней и девок к себе на работу возьму, платить стану...

– И что мулла?

– Согласие дал.

– Так то дело полюбовное – ты нанял, они согласны. А мое разрешение тебе к чему? – ничего не понимая, переспросил купца Сухарев.

– Бумагу казенную на тех татар выписать, чтоб к фабрике их приписать, а то сбегут через неделю, и не воротишь ничем.

– Нужна городу бумага, – поддержал Медведева Корнильев.

– Нужна, нужна, – вслед за ними закивал и Нефедьев.

– Н-да! Задал ты мне, братец, работу, – хмыкнул Сухарев. Теперь до него окончательно дошло, о чем просит купец. Выдать бумагу с печатью о приписке татар к фабрике. А татары, будучи людьми неграмотными и законопослушными, верят каждой бумажке, на которой красуется двуглавый орел, хоть с медного пятака его переведи. Понятно, купец найдет способ отблагодарить его за тот документ, но зря он начал при секретаре, при остальных купцах, тут сидящих. Зря... – Не знаю как и быть, – помялся Сухарев, – о пользе для города верно говоришь, но и супротив закона идти не хочу. Извини, братец.

– А нельзя ли, ваше высокопревосходительство, – вкрадчиво заговорил Михаил Корнильев, – колодников да беглых людей к нему на фабрику на первое время определить?

– И сколь человек возьмешь? – поинтересовался губернатор, но от его внимания не ускользнуло, что купцы удивительно быстро переключились на колодников, не стали больше

настаивать на бумаге по татарам. Видать, продумали все заранее и теперь играли с ним, как с мальчиком в лапту, заставляя кидаться из одного угла в другой.

– Поболе сотни, – ничуть не раздумывая, отвечал Медведев.

– Сколько? – опешил Сухарев. – Сотню? А кормить их кто станет? А охрану нести? Думай, чего говоришь.

– Уже подумал. Справлюсь, да и вы поможете.

– Да кто ты таков, чтоб я, государев слуга, тебе бы помогать стал? – вспыхнул моментально Алексей Михайлович, и мысли об обеде уже более не занимали его.

– У других купцов в работниках по много колодников содержится, – упрямо гнул свое Медведев.

– У других, у других, – передразнил его Сухарев, и вдруг ему стало все равно, наплевать и на закон, и на доносы, которые непременно полетят на него рано или поздно в столицу, и он устало согласился: – Черт с тобой, пиши прошение.

– Готово, – подал купец свернутую в трубку бумагу, чуть помятую по краям. Потом, положив бумагу на стол перед губернатором, придавил ее тяжелой серебряной с золотыми накладками в центре и по краям табакеркой и, смущаясь, добавил: – Для памяти от нас, ко дню вашего ангела.

– Далековато до ангела моего, – хмыкнул Алексей Михайлович, беря табакерку в руки, – но все одно спасибо за подарок. Все у вас? – спросил и поднялся, давая понять, что купцы полностью исчерпали отведенное им время. Встали и те, но мялись чего-то, не спеша уходить.

– Две семьи остяков под городом чумы поставили на той неделе, – как о чем-то постороннем проговорил Нефедьев.

– И что с того? – скрестив руки за спиной, спросил Сухарев.

– С голоду помирали совсем. Дал им мучицы, солонины...

– По-христиански поступил, братец. – Губернатор поднял было руку и хотел едва ли не по-дружески потрепать купца по плечу, но вовремя спохватился, и рука его так и застыла в воздухе немым вопросом.

– То само собой, – согласился Нефедьев и покосился на руку, на всякий случай отодвигаясь поближе к двери, – батюшка наш, Сергей, окрестить их хочет.

– И что с того?! – чуть не закричал губернатор, всем видом и тоном показывая, что купцы крадут у него драгоценное время.

– У себя на заимке поселить их хочу, – невинно смотря в губернаторские глаза, пояснил Нефедьев.

– Пошли вон! – Сухарев понял, что если не даст сейчас выход скопившемуся моментально гневу, то недалеко и до апоплексического удара. – И никаких ваших речей я не слышал. Никаких! – крикнул уже вслед торопливо вышмыгнувшим в коридор купцам. – Вот ведь чего удумали, песьи дети, – бушевал он, сделав несколько стремительных шагов перед вобравшим голову в плечи секретарем, – меня, государственного человека, слугу ее императорского величества, в свои козни вовлекать! Не позволю! В острог упрячу! Выпорю! – недолго бушевал он, со страхом готовясь предстать перед грозными очами своей жены и вдевая в перевязь шпагу, которую обычно вешал на спинку кресла. Секретарь подскочил, желая помочь, но получил сильный толчок локтем в живот и неожиданно захихикал, словно совершил что-то стыдное, опрометчивое, и попятился вон из кабинета, прижимая под камзолом кусок сукна, что сунули ему давеча купцы, когда он приглашал их к губернатору.

А купцы, выйдя на улицу, дружно перекрестились на главки возвышавшегося напротив собора, нахлобучили на голову шапки, вздохнули и переглянулись меж собой.

– Видать, еще давать придется, – в задумчивости проговорил Медведев. – Без работников мне фабрику свою не поднять.

– А ты думал, – усмехнулся Михаил Корнильев, – и не один раз. Возьму да и напишу сынку своему, чтоб он до государыни императрицы дошел и обо всех наших бедах ей поведал, – притопнул ногой в расписном валенке Лев Нефедьев.

– С ума сошел?! – даже приостановился Корнильев. – Все дело только испортишь. Коль нового губернатора к нам пришлют, то когда ты еще до него доберешься? А коль он тебя первого в острог засадит за старые грехи?

– Да у меня и новых хватает, – хмыкнул Нефедьев.

– Вот и молчи в тряпочку. Все они одним миром мазаны, что этот, что другие.

– Твоя правда, Яковлевич, – согласился Медведев, – супротив ветра плевать, на тебя и придует.

– Надоело терпеть, – попробовал было оправдаться Нефедьев.

– А коль надоело, то пойди на реку, да и утопись, – жестко выговорил Михаил Яковлевич, подходя к коновязи и стряхнув легкий снежок с гривы своего коня. – Думаешь, мне не надоело или вот ему? А терпим ведь.

– Он вроде и ничего, губернатор наш, коль с уважением к нему, то можно всякое дело сладить, – отвязывая своего коня, примирительно проговорил Евсей Медведев. – Зря я ему только про татар сказанул. Надо было тишком с муллой договориться, а бумагу мне Венька Жигарев выправил бы, секретарь сухаревский.

– Венька этот берет больше, чем хозяин его, – садясь в сани и натягивая поводья, выговаривал Нефедьев, – кнут по нему плачет.

– Поди, ты только у нас один не поротый, – насмешливо спросил Михаил Корнильев и вдруг чего-то вспомнил, оглянулся, перешел на шепот: – Вот я чего сказать вам хотел: послал я на той неделе братца своего двоюродного, Ваньку Зубарева, в Ирбит на ярмарку.

– С товаром, что ли? – поинтересовался Медведев. – А я не захотел нынче ехать, не с чем.

– Да не про товар речь, – отмахнулся Корнильев. – Ванька мне предложил поймать тех, кто нашего брата обирает на таможене, на складах, ну, сами знаете.

– Как не знать, – согласились купцы, с интересом слушая.

– Ежели Ивану удастся найти заправилу тех дел, а через него наверх выйти, то мы к губернатору нашему нашему мигом ключик подберем.

– Да ты что? – округлил глаза Медведев. – Неужто думаешь, что губернатор и там руку приложил?

– Врать пока не буду, но больно смелы стали приказные. Раньше приедешь, и делай чего хошь, а теперь без них и шагу не ступишь: того нельзя, этого не можно, за все денежку плати, да еще и цены сбивают, как им вздумается, – горячо рубил рукой в морозном воздухе Михаил Яковлевич.

– Продыху не стало, – подтвердил Варфоломей Медведев, – не ярмарка стала, а разбой на большой дороге.

– И я о том же, пора взяться за них.

– Зря только вы все это затеяли, – так и не выходя из санок, отозвался Нефедьев, – кнутом обуха не перешибешь. Государыне писать надо. Обведут они твоего Ваньку вокруг пальца и дураком еще и выставят.

– Да ты Зубарева не знаешь, – не согласился Корнильев, – он парень тертый, не пропадет. Не впервой ему, докопается до правды, а вот тогда уж поглядим, как нам поступить.

– Эх, правдолюбы, мать вашу, – ругнулся Нефедьев и хлестнул коня кнутом, не прощаясь, направил его в сторону базарной площади.

– Фома-неверующий, – усмехнулся вслед ему Медведев и заискивающе спросил у Михаила Яковлевича: – Подвод не дашь в Березов снарядить?

– Где же ты раньше был? – не глядя на него, ответил Корнильев, усаживаясь поудобнее в саночках. – Мы с братьями уже отправили два десятка подвод на Демьянское. Коль вернутся

до Рождества, то заходи, поговорим. – И, не прощаясь, потихоньку выправил на центральную улицу и так же не спеша поехал по самой ее середине, сдержанно отвечая на многочисленные поклоны знакомых.

– От вас, Корнильевых, уж точно правды не добьешься, а туда же, приказных за руку ловить собрались, – зло сплевывая себе под ноги, раздраженно ворчал Варфоломей Медведев, – захватили всю власть в городе и корчат из себя Бог весть кого.

А с крыльца тем временем, степенно ступая, сходил губернатор Сухарев, подумывая, какой бы подарок приготовить жене, чтоб не ворчала из-за его очередного опоздания, но, так ничего и не придумав, велел вознице трогать.

Глава 3

Иван Зубарев, все еще подрагивая от пронизывающего насквозь мороза, сидел, уютно устроившись, во вместительном рыдване рядом с высоким, худым и бледным офицером, кутавшимся в теплую накидку с бобровым воротником и насмешливо поглядывающим на освобожденного от веревок случайного попутчика. Напротив них сидели молчаливые и бесстрастные два офицерских ординарца, а может, просто слуги, в огромных бараньих тулупах и мохнатых шапках, надвинутых на лбы. У обоих топорщились огромные усищи, и за все время, что Иван находился в оказавшемся для него спасительном рыдване, они не проронили не слова. В полном молчании они выскочили на дорогу, где он стоял беспомощный, со связанными сзади руками, быстро разрядили по пятившимся к лесу волкам свои пистолеты и опять, не проронив ни слова, закинули Ивана в карету, запрыгнули обратно сами и как ни в чем не бывало устроились напротив своего хозяина, словно спасать одиноких путников являлось для них делом повседневным и привычным.

– Выпейте для сугрева, – протянул Ивану серебряный походный кубок офицер и, помолчав, добавил: – Ром английский.

Иван, клацая зубами, припал к кубку, моментально осушил его, потряс головой и сипло произнес:

– Благодарю покорно... И за ром, и за то, что от неминуемой смерти спасли.

– Пустое, – с легкой усмешкой отозвался офицер, – будет, что в Петербурге рассказать. У вас, в Сибири, тут так принято по ночам против волков со связанными руками выходить? Обычай, наверно, такой? – насмешливо шурясь, спросил он.

– Какой там, к черту, обычай, – огрызнулся Иван, – разбойные люди меня связали, лошадей угнали, если бы не вы, ваше благородие. – Он выразительно покосился на офицера, надеясь, что тот первым представится.

– Да, если бы не мои молодцы, то, надо полагать, утреннюю зорю вы, милейший, встречали бы уже в другом мире.

– Это точно, – поддакнул Зубарев, – в другом.

– Кстати, разрешите представиться, ее величества гвардии поручик Гавриила Андреевич Кураев. Направляюсь в Тобольск по особому поручению одной особы, чье имя счел бы за лучшее не произносить всуе. Позвольте узнать, кому обязан честью находиться рядом?

Зубарев в душе удивился тому, как поручик умеет витиевато и вместе с тем четко, по-военному изъясняться, и назвал себя:

– Купецкий сын Иван Зубарев. – Невольно переходя на тон своего нового знакомого, продолжил: – Следовал в губернский город Тобольск с Ирбитской ярмарки, да вот... – и развел руками, показывая, что остальное и так понятно.

– Поди, при деньгах с ярмарки следовали? – участливо поинтересовался Кураев, но от Ивана не укрылось, что в самой постановке вопроса он не вполне доверял ему.

– Да были кое-какие деньжата, а... Что – деньги? Главное, сам жив, и то слава богу.

– Как же вы неосторожно в такой дальний путь и один отправились? – продолжал выпрашивать Кураев.

– А чего нам, не впервой, всякое бывало.

– Благодарите Бога, что нам на последней станции вовремя дали сменных лошадей. – Поручик явно оживился от неожиданного знакомства и стал словоохотлив, а может, просто поверил Ивановым словам о разбойниках, понимая, что тот полностью в его власти. Но сидевшие напротив усаые ординарцы, или кто они там, не спускали настороженных глаз со спасенного ими человека, что не совсем приятно действовало на Ивана.

– Давно из столицы? – спросил он, чтоб как-то перевести разговор в другое русло.

– Почитай, вторую неделю добираемся, – сдержанно ответил Кураев. – Надеюсь на другой день прибудем в Тобольск. Так?

– Должны, коль иных задержек не будет, – согласился Иван. – Как там, в столице, жизнь?

– Как везде, живут люди. Не приходилось бывать?

– Братья мои двоюродные бывали, а я вот нет пока.

– У вас, молодой человек, все впереди, успеете и в столице побывать, и еще где подале.

– Да уж и не знаю, может, доведется когда, – простодушно согласился Иван, не замечая насмешливого блеска глаз офицера.

– А может, и ни к чему вам, милейший, в столицу без особой нужды наведываться, – наливая себе небольшую порцию рома продолжил Кураев, – столица она зубастых любит, а вы, как погляжу, не из таковых будете. Правда, сейчас в столице совсем не то, что ранее, при царице Анне. Тогда в какую сторону ни плюнь – в иноземца попадешь. Мой батюшка покойный, русак чистейшей воды, из деревни носа не казал, ходу ему дальше провиантских складов не было. А теперь матушка Елизавета Петровна, дай ей Бог здоровья и долгих лет жизни, всю иноземную сволочь повыгнала поганой метлой. Вот и я назначение в гвардию получил. Так что за императрицу нашу разлюбезную, коль потребуется, головы не пожалею.

– К нам в Сибирь на службу? – поинтересовался, чтоб как-то поддержать разговор, Зубарев.

– Какая, к черту, может быть служба в такой мороз, – полушутливо отвечал поручик, – на короткий срок к вам и обратно без задержки.

– В сам Тобольск или еще дальше? – поинтересовался Зубарев, видя, что офицер не прочь поговорить на отвлеченные темы.

– Еще не знаю. Как дело повернется. – Кураев чуть помолчал и неожиданно перешел на шепот, приблизив лицо к собеседнику: – Коль застану в Тобольске генерал-майора Киндермана, передам ему важную депешу, – он выразительно похлопал левой рукой по залоснившемуся боку кожаной сумки, лежавшей на сиденье подле него, – то и дня не задержусь в у вас. Но я склонен предполагать худшее, что придется разыскивать мне его где-нибудь по крепостям на южных рубежах.

– И вовсе нет, – высказал вдруг свою осведомленность Зубарев, – никуда ваш генерал из Тобольска не выезжал. Как летом приехал до нас, то так и сидит безвылазно. Тем более в такие морозы он свой длинный нос дальше кабинета губернатора и показывает.

– Вот как? – с интересом посмотрел на купеческого сына поручик. – Если честно, то мне в Петербурге намекали, что этот мальчик не имеет склонности к походной жизни. Значит, знающие люди оказались правы.

– Почему вдруг мальчика? – удивленно переспросил Зубарев. – Я его своими глазами имел честь видеть – мужик.

– А вот вы о чем! – звонко, с переливами, рассмеялся Кураев. – Дело в том, что «киндер» в переводе с немецкого означает не что иное, как «мальчик». Языки надо учить, милейший попутчик, авось пригодятся.

Зубарев ничего не ответил и лишь обиженно надулся, повернул лицо к замерзшему оконцу кареты и попробовал отогреть его ладонью. Но даже когда удалось чуть оттаять заиндевелое стекло, то увидеть что-то в ночной темноте было невозможно. Лишь изредка мелькали белесые стволы березок вдоль дороги да мягко еловые лапы проводили своими колючками по дверце кареты. Он прикрыл глаза, сон было набежал, потянул в темную неясную бездну, но ярко вспыхнули недавние события, произошедшие с ним на Ирбитской ярмарке, и он вновь ясно вспомнил, что произошло с ним там.

Сговорившись с двоюродным братом Михаилом Корнильевым, он под видом откупщика отправился в Ирбит на ярмарку. Корнильев был одним из главных воротил по торговым делам в Тобольске, а если разобраться, то и по всей Сибири вряд ли кто мог сравниться с ним по

величине оборота, но за последние два года он понес немалые убытки, отправляя товары на продажу в Ирбит. Там, вокруг ярмарочной распродажи, ловко раскинули сети несколько приказных, а возможно, и кто-то из таможенных людей был с ними заодно, притом с каждого купца им в карман перепадало не по одному рублику. Тех, кто ерепенился, отказывался платить, заворачивали со всем обозом несолоно похлебавши и на пушечный выстрел не подпускали к торговым рядам, выискивая благовидные предлоги. Предлог всегда можно было найти, и корниловские обозы пару раз возвращались в Тобольск со всем товаром, чем едва не ввели в полный разор оборотистого хозяина.

Сам Михаил Яковлевич, ссылаясь на дела в городе, на президентскую должность в магистрате, ехать в Ирбит не желал и сговорил на это дело Ивана, выправив ему предварительно подложную бумагу, что он имеет винный откуп, с чем тот и прибыл к самому открытию ярмарки.

Поначалу все складывалось ладно, справно. Он знакомился с купцами, съехавшимися сюда со всех концов России, заводил с ними накоротке разговор о лихоимстве таможенных надзирателей, о чем знали все и каждый. Купцы охотно поддакивали ему, рассказывали, сколько им самим пришлось натерпеться, зло поблескивали глазами, а подпив, грозились пожечь таможенно, изувечить ненавистных приказных и всех, кто под руку подвернется.

– Слышь, я тебе случай расскажу про одного вятского мужика, что в прошлом году вышел, – дыша Ивану в лицо винным перегаром, с жаром рассказывал небольшого росточка купчик с оспинами по всему лицу, – какой у него конфуз случился. Называть его не стану, ни к чему, а только взялся он у мужиков по дальним уездам масло коровье скупить, чтоб потом на ярмарку сюда его привезти. Деньжат само собой подзанил у знакомых, у сродственников, да и поехал по деревням скупать то масло. Полгода он его копил, в леднике сохранял, солью посыпал от порчи, берег, словно дитя родное. Пришла пора ярмарке здешней, значит, быть. Сгрузил он масло свое на подводы, прибыл. Хотел было в ряд сразу встать, а ему толкуют, мол, кажи бумагу, что масло то не ворованное, а праведно тобой заработано, куплено. Ему, дураку, дать бы в лапу кому следует, а он уперся, орет, кулаками машет. Ну, забрали у него товар в амбары таможенные, а самого в караулку посадили на хлеб-воду. Просидел он там почти неделю: торговли само собой никакой, и правды ниоткуда не добиться. Через добрых людей передал сколь нужно надзирателям, подмазал, кого нужно, и на другие сутки его уже на волю отпустили. Но это бы все ладно, наука на будущее. А только когда амбар открыли, где маслице его на сохранении находилось, то вместо него одни огрызки нашли – крысы да мыши как есть сожрали его и дажесь ящики обглодали. Мужик тот в такое небывалое расстройство ума вошел, что, приехавши домой, в каретном сарае на вожжах удавился. Деньги, что он занимал у всего мира, ему бы и за десять лет не вернуть, потому и наложил на себя руки. Вот такое дело.

– А мне к кому первому пойти, чтоб товар дозволили на торг выставить? – сделав невинную рожу, спросил Иван купца.

– Как к кому? – удивился тот. – Неужто первый раз на ярмарке?

– Первый, – покорно качнул головой Иван.

– Перво-наперво тебе надо до здешнего воеводы пробиться. Так уж тут принято, – начал поучать он Ивана. – К самому ему тебе не попасть, значит, кому из воеводских людей подарочек преподнеси или деньгами дай. Потом уж они подскажут, куда дале идти. Самый лютый народ в таможене сидит, к ним без солидного магарыча и не подступайся, завернут.

– А жаловаться на самоуправство их не пробовали? – невинным голосом поинтересовался Иван и тут же пожалел о сказанном.

– Слышь, мил человек, а ты, как я погляжу, не из тех будешь, за кого себя выдаешь, – мигом осекся купчик и потянул к себе шапку, поднялся с лавки. – Знаю, куда клонишь, и в ответ тебе вот чего-то скажу: иди-кось своей дорогой, а нас не замай. – И медленно переваливаясь, побрел к выходу.

С этого времени стал Зубарев замечать, что народ начал шептаться у него за спиной, издали пальцами указывать, как на тряпичное чучело посреди огорода. Вот тогда и подвернулся ему расторопный Яшка по прозвищу Ерофеич за свой сизый нос и любовь к непомерной выпивке. Но еще с первых встреч с ним и посиделок в кабаке, само собой за Иванов счет, с удивлением отметил Яшкину особенность не хмелеть, сколько бы вина он в себя не влил. Иван показал ему подложную бумагу, по которой он значился винным откупщиком, спросил совета, как ему выставить товар на торги, с кем перетолковать, куда обратиться. Яшка без утайки сообщил, кто сколько из местных приказных и таможенников берет, вызвался быть посредником при передаче денег. У Ивана от неслыханной удачи загорелись глаза, и он уже представил себе, как хватает за руку и тащит в острог тех лихоимцев. Без утайки сообщил Яшка, что числится на должности помощника местного пристава и следит за порядком на ярмарке, ловит мелких воришек, выполняет различные поручения начальства.

– И много народу к тебе обращается? – поинтересовался Иван.

– А тебе что за печаль? – недружелюбно отозвался Яшка, изучающе оглядывая того. – Сколь надо, столько и обращаются.

– Потому интересуюсь, что хочу тебе солидный куш отвалить, коль поможешь мне в моем деле.

– Видать, дело серьезное, раз большие деньги предлагаешь, – все понял с полуслова Ерофеич.

– Серьезней некуда, – согласился Иван и изложил ему причину своего появления на ярмарке, пообещав, что коль Яшка поможет ему изобличить лихоимцев, то он из корниловских денег вырешит солидную сумму.

Тогда еще Ивана удивило, как быстро, ни минутки не подумав, согласился Яшка на сотрудничество. Только половину денег попросил выдать наперед. Делать было нечего, и Иван отсчитал ему, сколько тот запросил.

– Бумагу потом подпишем, – упредил он Зубарева, полезшего в походный баул за письменными принадлежностями. Тому оставалось только согласиться. Условились, что на другой день Яшка договорится с самим начальником таможни и отведет Ивана к нему.

Здание таможни находилось рядом с торговыми рядами, но было обнесено высоким, едва ли не в две сажени, тыном, а у ворот днем и ночью прохаживался солдат с ружьем, не пропускающий внутрь никого из посторонних.

После обеда Зубарев встретился с Яшкой, как они условились, у ворот таможни, и тот, хитро подмигнув ему, повел мимо караульного, буркнув тому что-то с видом человека, находящегося при исполнении важных государственных обязанностей. Поднялись по высокому крыльцу в неуклюжую, как все государственные строения, избу и тут же попали в жарко натопленную горницу, где за столом, покрытым зеленым сукном, сидел крупный не улыбкающий мужик с холодными серыми глазами.

– Ты и есть винный откупщик? – спросил он Ивана, не ответив на приветствие, не предлагая сесть.

– Я и есть, – согласился Иван и почувствовал что-то неладное, заметив, как Яшка делает из-за его спины непонятные знаки сероглазому.

– Прозвание твое как будет? – негромко спросил тот.

– Михаил Яковлев сын Корнильев, – неожиданно для себя заявил вдруг Иван и тут же пожалел о сказанном, но отступать было поздно. Он и Яшке не называл своего настоящего имени, решил, что и тут сойдет.

– Почему обычным порядком товар на проверку не предъявил? – все так же негромко спросил таможенник.

– Так вот он, – кивнул Иван в Яшкину сторону, – обещал посодействовать.

Яшка в это время вплотную приблизился к нему и горячо зашептал на ухо:

– Надо бы их благородию денежек отвалить, не скупись...

– С превеликим удовольствием, – торопливо закивал Иван и полез за пазуху, вытащил оттуда завернутые в тряпицу деньги, отодвинул плечом сопевшего сзади Яшку и начал отсчитывать серебряные рублики, выкладывая их на стол перед молчаливым таможенником. Отсчитав десять штук, он поднял на него глаза и тут лишь заметил чуть сбоку цветастую занавеску и видневшиеся из-под нее черные, хорошо начищенные чьи-то сапоги.

– Так, так, – проговорил сероглазый, не спеша прикасаться к лежащим перед ним деньгам, – давно мы за тобой, голубь сизокрылый, присматриваем; а ты и сам к нам явился. Не желаете ли засвидетельствовать, ваше превосходительство? – обратился он к кому-то невидимому. Занавеска качнулась, и в горницу прошел, судя по кафтану советника таможенной службы, сам начальник местной таможни Матвей Коротнев, о котором Ивану ранее приходилось многое слышать.

– Все ясно как божий день, – пожал он сухими плечами, – взять его и обыскать немедленно. Сейчас узнаем, что за птица к нам залетела.

Из соседней комнаты, стуча тяжелыми коваными сапогами, неторопливо вышли два солдата и схватили растерявшегося Ивана за руки, начали со знанием дела обшаривать и быстро нашли бумагу, выписанную ему от магистрата Михаилом Корнильевым.

– Кто таков будет Иван Васильев сын Зубарев? – спросил советник Коротнев, близко поднося бумагу к глазам.

– Я им и буду, – отрепленно ответил Иван, понимая, что ему никто теперь не поверит и он по собственной дурости попал в заранее приготовленную ловушку.

– А не ты ли назвался принародно Михаилом Корнильевым? А? Того почтенного купца все мы хорошо знаем лично. А коли ты его именем назвался, то не иначе как сгубил несчастного купца или обворовал. Отвечай, сучий сын! – и советник злобно сверкнул глазами.

– Говори, коль спрашивают, – проявил усердие Яшка Ерофеич и заехал Зубареву кулаком в ухо.

Далее вопросы и удары сыпались на одуревшего Ивана один за другим, и он сколько не оправдывался, не ссылаясь на родство с Корнильевым, но ничего изменить уже не мог. Таможенники получали особое наслаждение, видя его унижение и беспомощность. Более всех торжествовал Яшка, прыгая петухом вокруг и все рассказывая, как Иван хотел склонить его к написанию бумаги против местного начальства.

– Он мне с самого начала не понравился, – объяснял он Коротневу, – хотел в доверие ко мне войти, вызнать все, а уж что у него там на уме было...

Но тот лишь брезгливо отмахивался от Яшки, а потом велел составить рапорт о поимке человека, выдающего себя за купца, а самого Зубарева закрыть в караульном помещении, куда обычно помещали пойманных воришек.

Там его продержали два дня при нетопленной печи, и лишь раз в день пожилой солдат вносил краюху черствого хлеба и ковш сырой воды. На третий день Ивана вывели во двор, крепко связали веревками, кинули в сани, прикрыли рогожей, словно сноровистого бычка, и повезли, не сказав куда. В санях кроме рыжеусого возницы из казаков поместился и злорадно поглядывающий на Зубарева Ерофеич. Когда проехали через Тюмень, то Иван догадался, что везут его обратно в Тобольск, и на душе стало полегче, там свои, родственники, выручат. Жалко было коня и санки, что остались в Ирбите, жаль и денег, отобранных у него при обыске, но больше всего терзался Иван из-за излишней доверчивости своей к оказавшемуся предателем Яшке. Лишь теперь он понял, что тот служил подсадной уткой для подобных простаков, безошибочно вычисляя всех недовольных заведенными на Ирбитской таможне порядками, а в дальнейшем они действовали по строго установленному порядку.

Иван так глубоко задумался, что не сразу услышал обращенный к нему вопрос поручика:

– Я вот о чем думаю, – проговорил тот, – мы ваших обидчиков нагнать должны в скором времени. Кони у нас добрые, свежие, и если только те разбойники не догадаются свернуть куда-нибудь в лес, то непременно окажутся в наших руках.

– Точно, – согласился Иван, хотя не знал, как будет оправдываться перед поручиком, когда выяснится настоящая суть дела.

– Как вы могли заметить, у меня с собой всегда наготове заряженные пистолеты, как и у ординарцев моих. В лицо я тех воров не знаю, а потому буду ждать вашего знака, коль вы их опознаете. И вот вам для обороны, – протянул он Зубареву тяжелый, изукрашенный серебряными накладками пистолет.

– Премного благодарен, – отозвался тот, принимая оружие.

Глава 4

Яшка Ерофеич хорошо видел, как медленно сполз с саней на землю и ткнулся лицом в снег Иван Зубарев, но лишь злорадно хихикнул про себя, поплотнее запахнул тулуп, подумав: «Одним правдолюбом на свете меньше станет». А советнику Коротневу доложит, мол, сбежал арестант, пушай через сыскных ловят.

Через него, Яшку, проходили чуть ли не все деньги, несомые купцами и прочими торговыми людьми в качестве залога таможенным приставам, офицерам охраны, амбарным служителям, надзирателям. Яшка первым заметил подозрительного «откупщика», который что-то выпрашивал, вынюхивал. И по повадкам, и по обличью, по блеску в чистых и не затуманенных глазах признал в нем ту редкую породу правдолюбцев, что нет-нет да появлялись в торговых рядах. Они не собственной корысти ради, а из каких-то непонятных остальным людям побуждений, пытаясь уличить в корысти таможенников, а то брали выше, метя в самого городского воеводу, приписывая и ему в числе прочих получение мзды. Как будто кто-то жил на одно государево жалование, перебиваясь с хлеба на воду. Служба такая – не брать нельзя. Заложено то в русском человеке с молодых ногтей, с материнским молоком – выказывать уважение чинам вышестоящим. А уж для торгового люда то и вовсе непреложный закон, нарушить который почиталось за грех великий. И пока жив русский человек, будет сочетаться в нем и христианское «не воруй, не убей», и «наряду с прочими – дай вышестоящему».

Да если разобраться, то велик ли торговому человеку убыток, когда иной такую тысячную прибыль имеет, что простому крестьянину с ежедневными пустыми щами на столе тех доходов до конца жизни хватит и детям еще останется. Не ими тот обычай заведен, не им его нарушать. От начала жизни человеческой на земле повелось и до скончания века останется.

За подобными мыслями Яшка незаметно задремал и проснулся, лишь когда вахмистр Серафимович ткнул его кнутовищем в бок.

– Эй! – испуганно заорал он, соскочив на землю и заглядывая под лежащее на санях сено, рогожи. – Вставай! Потеряли мужика по дороге. Меня тожесь сморило малость, закемарил, честно скажу. Да я спиной сидел, не заметил, когда он свалился, а ты как не углядел?

– Чего ты так испужался? – недовольно проворчал Яшка, с неприязнью поглядывая на расстроенного не на шутку Серафимыча. – Сбежал, видать, и все дела.

– Как он мог сбежать, связанный-то? Нет, тут чего-то не того... Не ты ли его и спихнул? – озарило вдруг его.

– Больно надо, – осклабился Яшка. – А хоть бы и спихнул, то что с того? Туда ему и дорога...

– Так ведь, поди, замерзнет. – Серафимыч глядел на Яшку, как на малое дитя, которое не понимает, что творит. – Возвертаться надобно, искать его срочно, пока беды не вышло. А то еще, не приведи господи, волки загрызут. Я тут давеча следы видел...

– Ишь, чего удумал, – возмутился Яшка и добавил приказным тоном: – Дальше поехали! У меня приказ от советника Коротнева, что коль сбежит арестант наш по дороге, то шума не учинять, а добраться до Тобольска и там в караульную часть доложить все как есть. Так что не шуми, а правь дальше. – И он, широко зевнув, натянул на глаза тулуп, давая понять, что разговор закончен.

– А кто шумит? Разве то шум? Шум будет, когда замерзнет парень или, хуже того, обглоданные косточки сыщут...

– Не твоего ума дело! – взъярился Яшка. – Твое дело кобылой править, так что давай, понужай.

– Да ты в своем уме, Яшка? Креста на тебе нет, не иначе.

– Я те не Яшка, а Яков Филиппович буду. И заруби это себе на носу. Не суйся не в свое дело, айда, поехали.

– Понятно... – задумчиво протянул Серафимыч, садясь в санки к Яшке спиной, – твоих рук дело выходит. Сам его, своими руками и толкнул с саней. Поди, еще обушком по башке тюкнул. Так дело было? Можешь не говорить, понял я твою натуру. Как же ты, иудина богомерзкая, жить дальше станешь? Как к батюшке под исповедь подойдешь? Как ему в своем смертоубийстве откроешься? – сокрушался вахмистр, прихлестывая начавшую подрагивать от долгого стояния на морозе лошадку.

– Хватит ныть, – перебил его Яшка, – да не вздумай болтать где об этом случае. Сокрушаешься, как девка, что невинность потеряла. А кто станет спрашивать, то ответ простой – убег с дороги арестант наш, и весь спрос.

Серафимыч еще долго что-то бормотал себе под нос и поминутно оглядывался назад, словно Зубарев мог неожиданно появиться из-за ближайшего дерева. Но потом и он замолчал, понимая, что переубедить Яшку не в его силах, и ехал так, посапывая носом да смахивая налипающие на усы сосульки, пока вдалеке не показались дымки села.

На околицу въехали уже затемно. Само село одной половиной улицы, тянувшейся из конца в конец, стояло на обрывистом берегу Тобола, а другой на почтовом тракте. От последних домов шел съезд на реку, которая служила в зимнее время, когда морозы крепили лед, вместо проезжей дороги. И несмотря на петли и извивы бесконечно петляющей реки, путники предпочитали ехать по руслу, нежели сквозь густые леса со снежными заносами.

Постоялый двор располагался на самом выезде, и пока они добрались до него, то были облаяны едва ли не каждым цепным псом из-за высоких заборов. Изба для приезжих, срубленная из огромных в обхват бревен, имела ничуть не меньше как по шести окон с каждой стороны. Подле нее и в просторном, огороженном жердями дворе стояли возы с поклажей, а под навесом переминались с ноги на ногу покрытые легким куржаком кони.

Как только их сани подъехали к возам, то из темноты навстречу им шагнул здоровенный детина в бараньем тулупе с дубиной на плече. Он внимательно оглядел их цепким взглядом и мрачно, ни о чем не спросив, посторонился, давая дорогу.

– Караульный, – негромко проговорил вахмистр Серафимыч, вылез из саней, привязал лошадку к ближней к нему жерди и направился к воротам, за которыми находилась жилая изба, чуть светившаяся через замерзшие окна тусклым светом. Он с силой постучал в калитку, чуть подождал и забарабанил вновь.

– Зря стучаешься, – раздался сзади хриплый голос караульного, – там нынче полная изба народу, не пустят, места совсем нет.

– Чего ж нам, здесь, что ли, замерзать?! – взвился Яшка. – Мы на государственной службе состоим, а не то что какое-то там суконное рыло.

– Откуда будете? – спросил, наклоняясь к Яшке, мрачный караульный. – Чего-то мне твои повадки больно знакомы. Где-то встречались с тобой... Не припомню только вот...

– Мало ли где, – небрежно бросил в ответ Яшка, – меня по всей Сибири знают.

– С Ирбита мы, – дружелюбно сообщил Серафимыч, не прекращая барабанить в ворота.

Наконец на его стук вышел из избы хозяин постоялого двора и, чертыхаясь, поминая недобрым словом запоздалых гостей, заорал с крыльца:

– Кого там нелегкая принесла? Нету-ка места вовсе. Поезжайте дале, там через три версты деревня будет Липовка, в ней и заночуете, а ко мне никак нельзя, не продохнуть.

– Да ты думай, чего говоришь, – отвечал Серафимыч, – мы за день чуть не полсотни верст проехали, лошадь пристала совсем. Пусти, святых угодников ради, мы в уголке где пристроимся, в тягость не будем.

– Еды совсем никакой не осталось, – продолжал отнекиваться хозяин, – поели все.

– Как-нибудь не помрем, лишь бы переночевать, – не сдавался Серафимыч. – Да у нас с собой бочонок винишка доброго есть, угостим...

Видимо, этот довод поколебал неуступчивого хозяина, и он недоверчиво крикнул через забор:

– Не шутишь?

– Какие тут шутки, – отвечал вахмистр, – вот он, бочонок, – и подхватив его из саней, звонко шлепнул ладонью по донцу.

– Выпить оно не грех. – Чуть помедлив, хозяин приоткрыл калитку, внимательно оглядел приезжих, спросил: – Сколь вас будет? Двое всего? Ладно, айдате за мной, авось, да уместитесь.

– А лошаденку куда пристроить? Не на улице же бросать, – взмолился Серафимыч.

– Позже распрягу ее и под навес поставлю, могу и овса подсыпать, коль винцо добрым окажется, пойдем, пойдем, – и отворил низкую дверь в избу.

Там и впрямь некуда было яблоку упасть: на лавках вдоль стен, на большой печи, стоящей посреди избы, даже на полу на каких-то овчинах, ветхом тряпье сидели и лежали люди. На большом столе возле окна стоял фонарь с огарком свечи, дававшей тусклый свет. В помещении витала нестерпимая духота от жарко натопленной печи и массы скопившихся человеческих тел; к тому же вонь от овчин, исподнего белья, портянок, сапог стояла такая, что хоть нос тряпкой затыкай. Путники, собравшиеся на постоялом дворе, уже приготовились ко сну и сейчас, позевывая и почесываясь, неприязненно глядели на вновь вошедших.

– Спаси Господь, – низко поклонился с порога Серафимыч, – счастливо вечерять честному народу. Просим прощения, что потревожили, – и снова низко поклонился. Лишь Яшка, стоявший позади него, не проронил ни слова и даже шапку не снял с головы, презрительно морща нос на постояльцев. Кто-то из дальнего угла заворчал на хозяина, мол, и так ногу поставить некуда, а он еще двоих запустил. Но в это время отворилась дверь, впуслав клубы морозного воздуха, и на пороге показался караульный все с той же дубиной в руках. Он бесцеремонно ткнул Яшку Ерофеича в грудь и зло проговорил:

– А вот и признал я тебя, аспида, – и с этими словами замахнулся на него дубиной.

Яшка успел увернуться, кинулся через чьи-то ноги в середину комнаты, запнулся, упал, зацепил стол, перевернув притом фонарь, свеча погасла, и в полной темноте, перекрывая возмущенные крики и вопли собравшихся, явственно слышался рев караульного:

– Убью гада! Вспомнил я тебя! Вспомнил!

Если бы не темнота, то он наверняка бы размозжил Яшке голову, но тот успел на ощупь пробраться за печь и там притаился. Лишь вахмистр Серафимыч, которого в темноте зацепил караульный своей дубиной, жалобно причитал и всхлипывал:

– Не убивайте, братцы, я ни при чем тут. Это он все, он...

Глава 5

Когда рыдван поручика Кураева подъехал к постоялому двору, то они еще с улицы услышали доносившиеся из избы крики и шум свалки.

– Может, разбойники те на них наскочили? – прислушиваясь, спросил Ивана поручик и быстро выпрыгнул на землю, держа в руках заряженный пистолет. – Эй, ребята, – обратился он к своим ординарцам, – держите пистолы наготове и прикрывайте нас сзади, – и быстрым шагом пошел на постоялый двор. Иван шагал следом, едва поспевая за офицером.

– Я с вами, – предупредил он на всякий случай Кураева.

– Да, конечно, – отозвался тот и рванул на себя ручку двери.

Один из ординарцев догадался захватить с собой дорожный фонарь и осветил им. На крыльцо, дико воя, вывалился вахмистр Серафимыч, держась рукой за разбитое в кровь лицо. Увидев направленное на него дуло пистолета, в страхе повалился на колени, запричитал:

– Не убивайте, помилуйте, детки малые дома остались!

– Кто таков будешь? – грозно спросил его Кураев.

– Вахмистр казачий Чесноков, – ответил тот и рассмотрел стоящего перед ним офицера. – Ваше высокородие, заступитесь, не убили едва, а за что, и не ведаю.

В это время к двери на четвереньках подполз Яшка Ерофеич и попытался юркнуть мимо офицера на улицу. Увидев его, к нему подскочил караульный и въехал дубиной по спине. Яшка громко застонал и схватил Кураева за ноги, потянул на себя.

– Стой! – громко крикнул тот и пальнул в воздух из пистолета. – Взять его, – указал он ординарцам на караульного, размахивающего своей дубиной. Солдаты ловко подшибли его под ноги и мигом скрутили руки за спиной, поставили перед поручиком. – Кто хозяин? Рассказывай все как есть.

– Я хозяин, – в страхе выпучив глаза, отозвался тот, изрядно напуганный. – А чего тут рассказывать? Сам ничегошеньки не понял. Сперва эти зашли, – ткнул рукой в сторону вахмистра и скулившего на полу Яшки, – а потом Федька Захаров с дубиной заскочил и айда его крестить...

– Ясно, – остановил его поручик, – ты Федька?

– А кому еще быть, – сипло согласился караульный, – я и есть.

– Почему драку начал?

– Признал я аспида этого, – кивнул он на Яшку, – лихоимец он. Два года назад приехали мы с брательником моим на ярмарку в Ирбит, так он нас до нитки обобрал, обчистил, весь товар наш описал и нас пустыми домой отправил. На всю жизнь его морду поганую запомнил и поклялся убить, коль встречу когда. Змеюка подколодная! – добавил он и попытался пнуть Яшку ногой.

– Ты мне это дело брось, – погрозил ему пистолетом Кураев. – А ты чего скажешь? – обратился к Яшке.

– В гошпиталь мне надо, – простонал тот, держась рукой за спину, – не иначе как ребрышки все поломал. Как бы не помереть по дороге.

– Вот хорошо бы было, – хмыкнул караульный.

– Молчи, дурак, – перебил его Кураев, – на каторгу пойдешь, коль и в самом деле помрет.

– Из-за этого гада да на каторгу? – удивился тот. – Ему, значица, воровать можно, а мы молчи, как мышь в норе?

– Напраслину он на меня возводит, – прохныкал Яшка, – служба у меня такая, чтоб за порядком на ярмарке следить.

– А тут как оказался? – продолжал выпрашивать поручик.

– Так арестанта в Тобольск везли, а он ушёл от нас по дороге... – Тут он поднял глаза, увидел стоящего рядом с Кураевым Ивана Зубарева и радостно заулыбался, потянулся рукой к нему. – Да вот он сам и будет, ваше благородие.

– Кто будет? – не сразу понял Кураев, оглянувшись на Ивана.

– Он, арестант наш, – Яшка даже про боль в спине забыл, – да вы вахмистра спросите, коль мне не верите. Ну, Серафимыч, этого арестанта велено нам было в острог свести?

– Его самого, – недружелюбно подтвердил вахмистр.

– Вот оно как получается... – покачал головой поручик, в упор смотря на Ивана. – Выходит, что ты главный разбойник и есть?

– Не подходи? – крикнул Иван, взводя курок, и наставил в грудь поручику пистолет. – Выстрелю! Как есть стрельну, – и попятился на крыльцо.

– И что с того? – криво усмехнулся поручик. – Меня, допустим, убьешь, а потом что? Они тебя забудут до смерти, не сбежишь уже. Отдай лучше добром пистолет, – протянул к растерявшемуся Ивану спокойно руку. Тот чуть помедлил и со вздохом вернул пистолет Кураеву. – Так-то оно лучше, проходи в избу, видать и дальше нам вместе ехать придется. Судьба. От нее не убежишь.

– Это точно, – поддакнул Яшка радостно, но поручик так глянул на него, что он мигом осекся и замолчал.

Глава 6

К вечеру следующего дня тяжелый рыдван с трудом вполз по крутому взвозу в нагорную часть Тобольска. В нем сидел поручик Гаврила Кураев с двумя заряженными пистолетами на коленях, а напротив него сумрачные Иван Зубарев и Яшка Ерофеич. Вахмистр Серафимыч ехал следом в санях вместе с ординарцами поручика. Возница знал дорогу и быстро лавировал между лепившимися один к другому большими и малыми домами, амбарами, покосившимися заборами и безошибочно правил на городской острог, у ворот которого и остановил тяжело поводящих боками коней.

Несший службу солдат в караульной полосатой будке подскочил к карете, выслушал короткое распоряжение поручика, козырнул ему и юркнул в калитку тюремных ворот. Вскоре оттуда вышел, позевывая и потягиваясь, молодой офицер и после короткого разговора с поручиком приказал Зубареву и Яшке следовать за ним. Яшка на ходу бросил насупленный взгляд на сидящего в санях вахмистра и, полуобернувшись, спросил Кураева:

– Его, выходит, отпускаете? Неправда ваша. Мы вместе с ним снаряжены были, а в каталажку мне одному идти?

– Не разговаривать, – оборвал его дежурный офицер и грубо подтолкнул в спину. Яшка икнул и смолк.

– За ним никаких вин не вижу, – спокойно ответил Гаврила Андреевич и встал на откидную подножку рыдвана, чуть задержался, бросив последний взгляд на уводимых в крепость, и добавил: – А с вами, бог даст, когда-нибудь свидимся при лучших обстоятельствах.

Яшку с Иваном провели по полутемным сводчатым сырым переходам, быстрехонько обыскали, занесли их имена и звания в толстенный шнурованный журнал, а затем бесцеремонно втолкнули в темную камеру, закрыли скрипучую дверь едва не в пол-аршина толщиной, и снаружи глухо лязгнул металлический запор.

...Яшку выпустили на второй день по бумаге, доставленной из Тобольской таможенной конторы. Видно, помог Серафимыч, сообщивший об аресте ирбитского помощника пристава нужным людям. Зато Зубарев просидел более недели в холодной сырой камере вместе с какими-то бродягами. Те, казалось, были даже рады обретению приюта и крыши над головой и целыми днями спали или резались в самодельные карты. Иван же неимоверно страдал не только от заключения, а от унижения, в которое он попал по собственной глупости.

Несколько раз к ним в камеру заходил кто-либо из дежурных офицеров, присматривающий за порядком, и Иван каждый раз требовал, чтоб о нем сообщили губернатору или в губернское правление или хотя бы передали весточку отцу о его заключении. Но в ответ он ни разу не услышал слова участия, а обычно следовало короткое: «Не наше дело», и офицер, брезгливо морщась, уходил. Когда Иван понял, что одними уговорами ничего не добьешься, то сделал вид, что заболел, и несколько дней пролежал, не вставая, на грязном тюремном топчане, отказываясь и от пищи. Это подействовало, и в один из дней утром в камеру, тяжело пыхтя и отдуваясь, появился тюремный лекарь из немцев, которого все называли Карлом Ивановичем. Ивану приходилось несколько раз встречать его в городе, возможно, и тот узнал заключенного, потому что отнесся к нему с сочувствием, долго мял короткими пальцами живот, осмотрел горло, потрогал голову. Выбрав момент, когда сопровождающий лекаря офицер отвернулся, он шепнул:

– Христом Богом молю и всем, что вам на свете дорого, сообщите обо мне Михаилу Корнильеву. Скажите лишь – Иван Зубарев в крепости. Он в долгу не останется.

Немец больше для вида еще долго ощупывал Ивана, тяжело вздыхая, будто присутствовал на поминках, потом, мешая русские и немецкие слова, сообщил офицеру:

– Зер шлехт, – чуть подмигнув Ивану, скорчил скорбную гримасу, – тут зер холодно. Он есть болен. – И чтоб его окончательно поняли, потряс головой, изображая озноб: – Бр-р-р! Мороз!

Офицер равнодушно кивнул, но когда лекарь покряхтывая и грустно вздыхая, удалился, то занес в камеру огромный овчинный тулуп и швырнул его Ивану на топчан. А уже на другой день ранним утром в низкую дверь протиснулся не кто иной, как самолично Михаил Яковлевич Корнильев.

– Кого я вижу? – всплеснул он руками. – А я всех, кто с Ирбита вернулся, про тебя выпрашиваю, да ни от кого ничего добиться не могу. Знать не знают, ведать не ведают...

Но Иван не дал договорить, а кинулся, прижался к двоюродному брату и, сдерживая слезы, сбивчиво принялся рассказывать обо всем произошедшем с ним.

– Ах, каналы! Ну, каковы, – сокрушался купец, но глаза его смеялись и сам он насилу сдерживался, чтоб не захохотать. – Теперь на всю жизнь запомнишь, как с теми лиходеями дело иметь. Говорил я тебе, ведь говорил, что голыми руками их не возьмешь? А? Не верил мне, думал, ты самый умный. – При этом он и не вспомнил, что сам и подговорил Ивана наведаться на ярмарку и вывести лихоимцев на чистую воду, зная слабость того к правдоискательству. Иван молчал, понимая, что сейчас не время и не место выяснять, кто прав, а кто виноват. Главное, как поскорее выбраться отсюда. – Ладно, попробую завтра пробиться к губернатору, если только он в городе. Острожное начальство за тобой никакой вины не знает. Справлялся уже. Отнекиваются, мол, привез тебя какой-то офицер и сдал. А в чем ты виновен, и не объяснил. Знаешь, как у нас на Руси бывает? Один сдал, другой принял, а за что про что, и не поинтересовался.

– Так прямо сейчас меня не выпустят? – мигом сник Иван, и от его радости не осталось и следа.

– Без приказа не могут, сам понимаешь, поди, не маленький. Потерпи еще малость.

– Сколько? – выдохнул Зубарев и сжался, представив, сколько он тут еще просидит, если губернатор вдруг да уехал в столицу или еще куда.

– Завтра узнаешь, – развел руками Корнильев и, обняв его на прощание, вышел.

На счастье Ивана, губернатор Сухарев оказался в городе, и хотя президента магистрата долго не допускали к нему, но тот упорно сидел в небольшой, заставленной громоздкой мебелью приемной. Наконец губернатор за несколько минут до обеденного часа вышел из кабинета уже одетый, а следом показался генерал Киндерман, с лета находящийся в Тобольске, и какой-то молодой офицер с ним. Увидев поднявшегося ему на встречу Корнильева, Сухарев приотстал от своих попутчиков и, чуть поморщившись, спросил:

– У вас что-то срочное? Видите, я занят.

– Срочнее не бывает, – решительно ответил Корнильев, – брат мой двоюродный в острог попал неизвестно за что.

– Быть такого не может, – недоверчиво покосился на него губернатор.

– Еще как может. Прикажете проверить. Я лично справлялся, но ни комендант острога, ни в полицейской управе не знают, за что он туда посажен.

– Странно все это. – Сухареву не хотелось задерживаться, чтоб лишний раз не выслушивать нареканий жены за опоздание на обед, и он хотел было отправить купца к исправнику или к полицмейстеру, но тут неожиданно в разговор вмешался молодой офицер, что внимательно прислушивался к их словам.

– Не сочтите за дерзость, – почтительно проговорил он, – но могу пролить свет на сей прискорбный случай.

– Слушаю вас, – повернулся к нему Сухарев, понимая, что и на этот раз нареканий от жены не миновать.

– Если я правильно понял, то речь идет о купеческом сыне Иване Зубареве, что около недели назад был доставлен в местную крепость?

– Именно о нем, – согласно кивнул Корнильев, не совсем еще понимая, чем может помочь незнакомый ему офицер.

– Гаврила Андреевич Кураев, – представился тот и кратко изложил обстоятельства, при которых он встретился с Зубаревым, а затем и остальными участниками того дела. Алексей Михайлович Сухарев внимательно выслушал его и пообещал разобраться. На следующий день, к вечеру, не найдя за Иваном Васильевым сыном Зубаревым никаких вин и преступлений, его выпустили из острога.

– Императрице про вас напишу, – погрозил он пальцем офицеру, который вывел его на улицу.

– Пиши, милоч, пиши. Императрица давно твоего письма ждет, – засмеялся тот вслед ему и разбойничьи свистнул, подняв с крыши стайку гревшихся у дымовой трубы воробьев.

Глава 7

Императрица Елизавета Петровна, несмотря на свое отменное здоровье, всегда внимательно прислушивалась к советам своих врачей, и если в летнее время ежедневно выезжала на экипаже за город, чтоб прогуляться по лесу, омочить босые ноги в какой-нибудь чистой речушке, то зимой взяла за правило обязательные получасовые прогулки по свежему воздуху. Особенно ей нравились заснеженные аллеи Летнего сада, где специально для нее чистили и посыпали желтым песочком дорожки, ставились в разных местах скамеечки для отдыха, покрытые меховыми полостями.

С собой на прогулки императрица обычно приглашала давнюю подругу Марфу Егоровну Шувалову, а также друга наилюбезнейшего, как она его называла, графа Алексея Григорьевича Разумовского. Тот мог часами забавлять императрицу смешными рассказами о своем детстве, проведенном в глухом селе на Украине.

Сегодня, в первую неделю Рождества, когда крепкий морозец изрядно подурмянил и без того похожие на наливные яблочки щеки Елизаветы Петровны, прогулка не обещала быть долгой. Стоявшие на почтительном отдалении в конце каждой аллеи преображенцы волей-неволей нарушали устав, не могли стоять не шелохнувшись в присутствии ее императорского величества и время от времени постукивали ногой об ногу, осторожно поглядывая через заиндевшие ресницы на неторопливо прогуливающихся по парку людей.

– Что-то нынче веселья мало в Петербурге, – ни к кому конкретно не обращаясь, проговорила императрица. – Вот, помнится, во времена оные, при батюшке моем, умели веселиться, а сейчас... – И она со вздохом взмахнула ручкой в теплой вязаной перчатке.

– И не скажи, матушка, – тут же поддакнула ей Марфа Егоровна, славившаяся умением поддержать любой разговор, даже если то была вовсе незнакомая ей тема, – не тот народец нынче пошел. Вот и супруг мой, Петр Иванович, об этом же говорит...

– Чем он у тебя таким занят, что во дворец редко показывается? – не дослушав подругу, спросила императрица.

– Известно чем... Из пушек своих в загородном имении, поди, по воробьям палит без толку, – мягким малоросским говорком, растягивая окончания слов, отозвался граф Алексей Григорьевич Разумовский.

Императрица тихонько хихикнула, блеснув темно-синими глазами, и бросила искоса взгляд на шуваловскую жену, ожидая, чем та ответит на дерзость графа. Та не заставила себя долго ждать и, собрав губки бантиком, тут же с непомерным для ее малого роста достоинством выговорила:

– Мы, в отличие от некоторых, песенки петь не обучены. Нам, Шуваловым, не пристало чем иным заниматься, акромья дел государственных, а воинская наука – наипервейшая из всех. Кто ей владеет, тот и на поле бранном себя с наилучшей стороны проявит, сокрушит врага любого. Из пушек палить тоже с умом надо. А песенки распевать, то большого ума не требуется, – закончила она свое высказывание прямым намеком на хороший голос Разумовского, благодаря чему он в свое время и оказался близ императрицы.

– Эка невидаль, из пушек палить, – нимало не обидевшись, фыркнул граф, даже не повернувшись в сторону семенящей чуть справа от него Марфы Егоровны, – в чем там особый ум нужен? Не знаю, не знаю... Видывал я, как это делается, каждый мужик на то способен. А в песенном пении особый талант нужен, не каждому встречающему-поперечному данный.

– Мы тебе не какие-нибудь встречные-поперечные, а Шуваловы! – вспыхнула Марфа Егоровна. – Род наш, не в пример некоторым, наидревнейший на Руси.

– Это еще как посмотреть, – негромко проговорил Разумовский, не желая вдаваться в болезненную для него тему.

– Ладно вам, петушкам, – мягко улыбнулась императрица, желая заранее предотвратить назревающую ссору между ее компаньонами. – Талант в любом деле нужен, а уж кого к чему Господь наставил, то не нам судить.

– Военное дело наипервейшее завсегда было, – не желала сдаваться Шувалова – Батюшка ваш, Петр Алексеевич, завсегда воинских людей выделял, а шутов для утех, для забав приискать можно в любой деревне...

– Ум и в шутовском деле надобен. – Разумовский все еще сдерживался, не желая особо обижать подругу своей покровительницы, которую в душе побаивался за ее острый язычок.

– Хватит вам, хватит, – поспешила в очередной раз успокоить спорщиков императрица, – а то ежели я осержусь, то обоим достанется.

– Да я что, матушка, я ничего, – поджала тонкие губки Шувалова и с достоинством поправила теплый капор с высоким верхом, – только мужа своего в обиду никому не дам и не позволю про него непочтительные слова говорить любому человеку. Самому Петру Ивановичу за делами государственными иной раз некогда и голову поднять.

– А я вот дел государственных не особо касаюсь, – проговорил, глядя на разноцветный китайский фонарик, подвешенный к ветке молодой липы, Разумовский, – и без меня умники сыщутся. Мое дело о покое матушки-императрицы думать, чтоб не замучили ее бедную умники те, не зашпыняли.

– Это кто меня замучить вздумал? – свела густые темно-русые брови Елизавета Петровна, принимая грозный вид, но по смеющимся ее глазам было видно, что нынче находится она в наипрекраснейшем расположении духа и с интересом наблюдает за перепалкой своих спутников. – Да я сама любого так отхожу, отпотчую, что и забудет, как звать.

– А взять того же Алешку Бестужева, – поспешила лишний раз ущипнуть нелюбимого ей государственного канцлера Марфа Егоровна, – почитай, каждый божий день к тебе, матушка, является с бумагами разными. То – подпиши, это – почитай, будто кроме его бумаг и дел других у тебя не имеется. Тут я слыхала, будто бы он против французского короля зуб большой имеет, невзлюбил его наш умник. Ха! – показала Шувалова острые ровные зубки. – Король французский, верно, шибко расстроился, испужался Алешку Бестужева. Зато англичан подле себя держит, жалует. Болтают, они, англичане, ему даже пенсию особую назначили. Конечно, они ему по всем статьям милее и пригоже. Может ли государственный человек этакие вольности себе позволять? – выкинула она левую ручку в сторону Разумовского.

– Это вы мне? – спросил тот с достоинством и пожал широкими плечами, покрытыми богатой, поблескивающей на солнце шубой. – А по мне, так все они одинаковы. У нас, в Малороссии, так говаривали: немчуру любить – битому быть, турчанина любить – в полоне быть, а москаля любить – голым ходить. – Он чуть кашлянул и бросил вопрошающий взгляд на императрицу, пытаясь угадать, как она восприняла его не совсем удачную шутку. Но та лишь криво усмехнулась и спросила:

– Интересно, дружок, а чего еще такое у вас, в Малороссии, – она особо выделила именно это слово, – про москалей говорят? Верно, не жалуют?

– Не жалуют, матушка, не буду скрывать, – смущенно признался Разумовский, опустив низко голову, щеки его залил алый румянец, – натерпелись в свое время много и от панов, и от русских людей. А народ, он памятен...

– Э-э-э... Да чего их, хохлов, слушать, – поспешила воспользоваться оплошностью графа Шувалова, – сколь им добра ни делай, а все зазря, память у них короткая. Хохол сам себя лишь до обеда любит.

– Вы сегодня явно намерены оскорбить и унижить меня, – наливаясь неожиданно гневом, приостановился Разумовский, заслоняя своей крупной фигурой дорогу низкорослой Шуваловой.

– И вовсе нет, – ловко прошмыгнула та у него под рукой, – правда, она завсегда глаза режет.

– У каждого человека своя правда. Только я не намерен выслушивать разные дерзости от вздорной бабы.

– Это я-то вздорная баба! – чуть не подпрыгнула на месте Шувалова, воинственно вздергивая остренький подбородок – Не вздорнее других.

– Тихо, тихо, соколики, – подняла примиряюще руки императрица, – нашли место, где норы свой выказывать. И чего вас совет не берет? Ближнего своего любить надо, как Господь завещал, а вы...

– Я со всеми готов в мире жить, если чести и достоинства моего не касаются, – обиженно поджал полные, сочные губы граф.

– Нужно мне твое достоинство, – негромко, но отчетливо прошипела Шувалова, не глядя на Разумовского, – прости меня, матушка, коль что не так. Пойду я, меня свои санки у ворот поджидают, – она быстро поклонилась императрице и, не дождавшись ее ответа, засеменила по аллейке в сторону выхода.

– Сдерживайся, Алешенька, прошу тебя, – тихо проговорила Елизавета Петровна, беря графа под руку и увлекая за собой, – особенно с Марфушей. Вы оба мне дороги, любимы и различать вас не желаю, более близких людей у меня нет.

– Виноват, матушка, – низко наклонил тот большую красивую голову, – не вели казнить...

– Да кто тебя казнить собирается? – засмеялась императрица, моментально преображаясь и хорошея. – Хватит на сегодня, погуляли, и будет. Надобно ехать к сановникам моим дела делать. Со мной на совет отправишься или как? – Она внимательно посмотрела в глаза своему любимцу, хотя заранее знала, откажется присутствовать на заседании верховного совета, где собирались главные ее помощники.

– Нет уж, уволь, матушка, – решительно возразил тот, – меня твои верховники и в грош не ставят, насмешничают. Поеду к себе. Там меня земляки с вечера дожидаются, нужен им зачем-то.

– Твое дело, Алешенька, – капризно скривила губы императрица, – прощай покуда, вечером свидимся?

– Пренебреженно, матушка, – поднес ее ручку к губам Алексей Григорьевич.

– Значит до вечера, дружок? – легонько потрепала его по щекам государыня.

– К вечеру у тебя буду, жди.

– А коль не утерплю, то сама к тебе заявлюсь. Не прогонишь? – игриво спросила она и, резко повернувшись, пошла по заснеженной аллее, гордо неся свою статную фигуру.

Разумовский долго смотрел ей вслед, незаметно для самого себя улыбаясь и чувствуя, как горячая волна пробежала внутри, делая его самым счастливым человеком на свете. Потом зачерпнул голый ладонью горсть пушистого снега и приложил ее к разгоряченной голове, отер лоб, щеки и широко перекрестился, привычно ища глазами высокий шпиль Петропавловской крепости с золоченым крестом наверху.

Глава 8

А императрица через короткий срок уже поспешно входила в свои покои, веселая и возбужденная, кивая на ходу застывшим при ее появлении статс-дамам, офицерам гвардии, берущим «на караул», и без задержки впорхнула в приемную перед своим кабинетом, где ее уже поджидали прохаживающиеся взад-вперед сановники.

– Заждались, поди? – игриво спросила и провела мокрой от снега перчаткой по бледной щеке вице-канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, что с видимым усилием поднимался с низкого кресла. – Да уж сиди, – махнула ему ручкой, – не усердствуй.

– Как можно, матушка, – проговорил тот довольно бодрым голосом, – и со смертного одра при вашем появлении встану. – И добавил уже ей вслед. – Рады, что вы в добром здравии.

– И я рада, – ответила она, уже входя в дверь кабинета, скинула на руки камер-лакею мокрую от растаявшего снега шубу, прошла к зеркалу у дальней стены и быстро провела по взлохматившимся льняным волосам, кивнула секретарю – «зови» и повернулась лицом к входящим по одному сановникам.

Первым, осторожно ступая на пораженные подагрой негнущиеся ноги, вошел граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Ему было далеко за пятьдесят, и, судя по всему, многочисленные болезни давно подтачивали его здоровье, но при всем том честолюбивая натура не позволяла графу удалиться от дел на покой в какое-нибудь дальнее имение. Гнев императрицы, приказавшей сослать за длинный язык в Сибирь жену его родного брата, коснулся и канцлера, но лишь слегка опалил, не сжег дотла, как то могло случиться с иным. Бестужев стойко выдержал удар судьбы и, словно ничего не случилось, продолжал появляться в приемной императрицы в обусловленный час с точностью небесного светила. Более всего он гордился тем, что за всю жизнь ни разу никуда не опоздал, умел с честью выходить из любого, самого затруднительного положения, и сплетен о нем в Петербурге ходило больше, чем обо всех вместе взятых его друзьях и недругах. Кого-кого, а недоброжелателей он сумел нажать немало, но ни одного не ставил и в грош и в удобный момент спешил отплатить им той же монетой. Не дожидаясь приглашения, он выбрал место в центре большого овального стола орехового дерева и, побрякивая, опустил в малинового бархата кресло.

Следом вошел Петр Иванович Шувалов, надувая и без того упругие щеки, зорко поглядывая большими, широко посаженными глазами по всем углам, словно там мог притаиться заговорщик с палашом. Под мышкой он нес большой рулон бумаги, осторожно придерживая его, как драгоценную ношу. Граф Разумовский был отчасти прав, предполагая, что Шувалов большую часть времени занимается пальбой из пушек. Именно сейчас Петр Иванович опробовал изобретенную им новую пушку, названную весьма грозно – «единорогом». Испытания шли успешно, а потому граф пребывал в благодушном расположении духа и негромко мурлыкал себе под нос какую-то незамысловатую мелодию, услышанную им от уличного музыканта. Подойдя к столу, демонстративно обошел его весь кругом, остановился напротив графа Бестужева, прислонил принесенный рулон к креслу, затем неторопливо вынул из бокового кармана огромный платок вишневого цвета с каймой и протяжно высморкался в него, спрятал обратно и не спеша сел. Потом, словно вспомнив о чем-то, полез в другой карман и вынул золотую инкрустированную моржовым клыком табакерку и небрежно положил ее рядом с собой, широко улыбнулся глядевшей на него с лукавой усмешкой императрице и сделал ей обычный комплимент:

– Ваше величество, как всегда, замечательно выглядит. Когда вы только успеваете время найти на все дела? Диву даюсь, на вас гляючи...

Говорил он чистейшей воды неправду, поскольку как раз времени на все у императрицы и не хватало. Большинство государственных наиважнейших дел задерживались именно по вине

Елизаветы Петровны, которая желала поспеть везде, но на все ее не хватало, и когда приходилось выбирать между просмотром бумаг и очередным балом или маскарадом, то она выбирала обычно последнее. Но все приближенные к ней люди считали за лучшее не замечать подобных пустяков, чего никак не могли понять иностранные дипломаты и частенько в своих письмах жаловались на громадные задержки и волокиту в делах. Но императрица с детской непосредственностью считала, что жизнь человеческая коротка и тратить ее надо весело и безоглядно.

Рядом с Шуваловым осторожно опустился в кресло легковесный и подвижный, словно ртуть, Михаил Илларионович Воронцов, занимавший прежде, до известного дела Лестока, пост вице-канцлера. Но затем, во многом благодаря стараниям Бестужева-Рюмина, был смещен и отошел в тень. К чести его, не только не затаил обиды на нынешнего канцлера, но нередко вставал на его сторону, защищая его от горячих выпадов Петра Ивановича Шувалова, для которых любое бестужевское слово словно чихотная трава вызывала взрыв неприязни. Многие, зная добрый нрав и безотказность Воронцова, обращались к нему, хлопоча о наследстве или назначении на должность. Он один из первых подтолкнул императрицу к занятию батюшкиного престола и неизменно пользовался ее расположением. Да и женой его являлась двоюродная сестра императрицы, урожденная графиня Анна Карловна Скваронская, дочь Карла Самуиловича Скваронского, брата Екатерины I, что также давало ему значительные преимущества среди прочих сановников. Многочисленные родственники и друзья давно намекали графу о своем желании видеть его предводителем собственной партии, но природная скромность не позволяла тому решиться на подобный шаг. Из числа присутствующих на нынешней «конференции», как сама императрица нарекла подобные совещания, он единственный мог похвастаться тем, что ни разу в жизни не получил ни малейшей взятки или иного подаяния. В свое время германский император Карл VII за особые заслуги даровал Воронцовым графский титул Римской империи, и уже одно это выделяло Михаила Илларионовича из числа прочих близких к императрице людей. Последним занял свое место князь Никита Юрьевич Трубецкой, исполняющий должность генерал-прокурора Российской империи. Через свою жену, урожденную Анну Львовну Нарышкину, он состоял в родстве с царской фамилией, а через сестер – с родом князей Черкасских и Салтыковых. В свое время Никита Юрьевич не поладил с графом Минихом, не побоявшись влияния того при дворе. После того как бывший фельдмаршал попал в сибирскую ссылку, его почти открытая неприязнь перешла к другу последнего, Бестужеву-Рюмину, чего он практически не скрывал. Должность генерал-прокурора давала ему множество прав, кроме одного – приобретать друзей, чему, впрочем, способствовал и его желчный, язвительный характер. Единственный человек, с кем он поддерживал приятельские отношения, оставался долгие годы князь Яков Петрович Шаховской, о чьей прямоте и непорочной службе по столице ходили легенды. Но он оставался редким исключением среди сотен подобных.

Как только все расселись вокруг стола, императрица, глянув по привычке в окно, в котором начинали плавиться под яркими солнечными лучами завитки морозных узоров, не спеша садиться, облокотилась на высокую спинку своего кресла, обвела собравшихся ровным, спокойным взглядом и, чуть приподняв левую бровь, негромко спросила:

– Чего-то не всех вижу на своей конференции... А где же изволит быть граф Александр Борисович Бутурлин? Что ему помешало присутствовать?

– В отъезде он, в Москву отбыл, – ответил за всех граф Воронцов.

– Мог бы и предупредить об отъезде своем, – с явным недовольством в голосе произнесла императрица. – А почему нашего генерал фельдмаршала Петра Семеновича Салтыкова не вижу? Тоже в Москву отправился?

– На смотру, видать, – беспечно отозвался Петр Иванович Шувалов. – Никакого порядка не стало.

– Велите ему прибыть ко мне пренебреженно, – напуская в голос суровость, сухо выговорила императрица. – Что ж, приступим, с Богом...

– Чего-то сегодня Алешки Разумовского не видно. Не занедужил ли? – не дал ей договорить Бестужев, не стесняясь, желая уколоть в наиболее уязвимое место.

– Ему мной самолично разрешено не являться. Иные дела у него, – сухо ответила императрица, и нехороший огонек вспыхнул у нее в глазах. – Ты мне это, Алексей Петрович, брось хитрости свои напоказ выставлять. Наперед все их знаем.

– Да что вы, матушка-государыня, – делая невинное выражение, развел руками канцлер, – то я со всей скорбью христианской спрашиваю. Может, вправду, думаю, простудился, а то вчера его видели без шапки в открытом возке с девками. А морозище-то так и жарит! Рождественские стоят. Тут и до беды недалеко.

– С какими еще «девками»? – вспыхнула императрица. И все поняли, что Бестужев сумел-таки уколоть ее. Но та нашла в себе силы сдержаться и, чуть кашлянув, свела густые брови, спросила канцлера: – Ты лучше начни докладывать, какие новости твои агенты из иных стран сообщают.

– Да особых вестей, матушка, нынче не имеем, – грузно приподнимаясь с кресла, начал тот, – только и сообщили мне, будто бы король прусский, Фридрих, свое посольство к шведскому двору направить собирается.

– Собирается или уже направил? – уточнила государыня.

– Может, пока мы здесь сидим, то уже и отправил. Вести до нас долго идут, кто его знает, что там теперь, в Пруссии, приключилось.

– Сам что думаешь: чего Фридриху от шведов надобно?

– Как чего? – канцлер даже удивился. – Известно дело, союза против нас заключить, чтоб потеснить нас из Европы. Никак не могут попривыкнуть, что Россия давно не та, что была когда-то.

– Это точно, – вставил свое слово Воронцов, – не хотят нас уважать в Европе. Бояться боятся, а уважения не питают.

– Ничего, уважать после станут, когда к боязни попривыкнут, – хмыкнула императрица, – а пока и этого для нас предостаточно.

– Давно их не учили уму-разуму, – подал голос Шувалов, но императрица оставила его слова без внимания, а как бы в раздумье проговорила:

– Выходит, Фридрих в письмах ко мне одно говорит, а на деле другое творит. Славно, славно...

– Ни одному слову Фридрихову верить нельзя, – горячо заговорил Бестужев, – бесстыжие люди – что они, что французики эти, – оседлал он любимого конька, но Елизавета Петровна нетерпеливо махнула рукой в его сторону.

– Подожди тараторить, Алексей Петрович, скажи лучше, а нельзя ли шведам намекнуть, мол, мы об их тайных сношениях с Фридрихом извещены? Но только тонко намекнуть, чтоб не переборщить.

– Отчего же нельзя, то можно, – согласно кивнул головой канцлер, – отпишу нашему посланнику в Швецию.

– А мне думается, шведы и так откажут прусскому королю и на союз с ним не пойдут, поскольку с нами в перемирии состоят. Нарушать его им сейчас ни к чему, то не крымский хан, которого все на нас только и науськивают.

– Все одно, ухо с ними надо остро держать, никак нам простить не могут, что батюшка мой их побил предостаточно.

– Истинно так, – согласно кивнул Бестужев, продолжая стоять.

– Что еще у тебя, Алексей Петрович? Да ты садись, садись, не стесняйся, поди, тяжело стоять-то тебе, – милостиво предложила ему императрица.

– Как можно, матушка, – замахал тот руками, – должность моя такая, чтоб перед вами стоя ответ держать. Еще хотел доложить, что французский король, по наущению недругов наших, отправил в столицу шпиона своего, который рекомендательные письма к разным высоким особам при себе имеет, – и он многозначительно обвел взглядом присутствующих, словно именно они все имели к тому прямое отношение. – Прикажете схватить на границе?

– А зачем? У нас особых секретов нет, пусть поглядит, а в крепость посадить его мы всегда успеем. Приставь к нему своих людей и пусть о каждом шаге докладывают тебе самолично.

– Будет исполнено, матушка, – низко наклонил голову канцлер и опустил в кресло, давая понять, что у него иных сообщений не имеется.

– Что у тебя, Петр Иванович? – обратилась императрица к графу Шувалову. – Слухи идут, что новые деньги готовим, да что-то давно канитель эта тянется. Все ладно ли?

– Да вот принес художества, кои надлежит на монеты нанести. – С этими словами он положил на стол принесенный им бумажный рулон и принялся неспешно его разворачивать. Все сидящие невольно вытянули шеи, пытаясь разглядеть, что изображено на бумаге. Наконец Шувалов до конца развернул лист, прижал его своей табакеркой, поискал глазами, что бы еще поставить на другой конец стремившегося закрутиться обратно рулона, увидел на столике у окна небольшой бронзовый бюст императора Петра Великого и не нашел ничего лучшего, как воспользоваться им в качестве пресса.

На внутренней стороне листа всем открылся довольно искусно нарисованный профиль императрицы Елизаветы Петровны, взятый в овал, с вензелем вверху в нарядном лавровом венце. Рядом был изображен архистратиг Михаил с расправленными крыльями за спиной и огненным мечом в руке. На соседнем рисунке, который, по-видимому, предназначался для обратной стороны монеты, красовался имперский двуглавый орел с хищно вытянутыми шеями и разметанными крыльями. Елизавета Петровна, близоруко шурясь и чуть приоткрыв рот, внимательно вглядывалась в рисунки, которые, по замыслу Шувалова, в скором времени должны будут украсить собой новые российские монеты и наполнить страну, стать предметом торга, обмена, побрякивать в карманах и кошельках. От этой мысли государыне стало не по себе. Она представила, как монеты с ее изображением начнут переходить из рук в руки и каждый, обладающий ими, будет вправе швырнуть, прихлопнуть, придавить, поцарапать принадлежавшее лишь одной ей лицо. Императрица была уже готова отказаться от проекта выпуска новых денег, к чему уже не один год склонял ее Петр Иванович Шувалов. Понимая, что все ждут ее решения, она приготовилась ответить решительным отказом, но что-то заставило ее передумать, и вдруг неожиданно для себя самой заявила первое, что пришло на ум:

– Совсем старухой меня изобразил художник. В гроб краше кладут. Моя бы воля, то наказала б такого прилежно.

– Помилуйте, матушка, – всплеснул руками Шувалов, – то лишь предварительный рисунок, набросок, можно сказать. К тому же сам оригинал, – при этом он выразительно посмотрел на императрицу, – не в силах во всей прелести изобразить ни один художник мира. И примите во внимание, рисунок в двенадцать раз больше того, что на предполагаемой чеканной монете.

Государыня без особого интереса выслушала его слова, ощущая, как в ней борются два человека – женщина и правительница великого государства, – и ни одна из них не могла одержать верх. Поэтому она сочла за лучшее отложить принятие решения на столь болезненную тему до лучших времен. Потому и попросила:

– Ты, Петр Иванович, оставь мне рисунки на денек-другой. Подумаю, посоветуюсь кое с кем.

– Послезавтра зайти, матушка? – с покорностью спросил Шувалов, хорошо понимая, с кем государыня станет держать совет.

– Как решусь, то дам тебе знать.

– Только прошу ваше величество не откладывать на долгий срок, а то уже второй год дело сие важное тянется, – назидательно проговорил он, подчеркивая важность вопроса, подавая императрице свернутый в трубку рулон. И она тут же приструнила его.

– Ты, граф, батюшку моего поставь на место и больше его заместо грузила не пользуй, – погрозила ему пухлым пальчиком государыня.

Шувалов неожиданно густо покраснел, молча взял бюст и понес его обратно на столик. Все присутствующие переглянулись меж собой, радуясь про себя, как императрица ловко урезонила заносчивого графа.

– У меня, матушка, дел множество скопилось из Сибири по неуплате податей, – прокашлявшись и поправив на груди орден Андрея Первозванного, несколько торжественно проговорил князь Никита Юрьевич Трубецкой, не проронивший за время своего присутствия на совещании пока что ни слова.

– Чем объяснишь причину неуплаты? – подняла бровь императрица. – Почему платить отказываются законные подати? Может, злой умысел какой супротив нас имеется?

– От сибирского губернатора Сухарева депеша пришла. Сообщает в ней о нехватке монеты, – сухо сообщил Трубецкой.

– И что делать полагаешь?

– Наказать надо ослушников примерно, – высказал свое мнение Шувалов, оправившийся к тому времени от смущения и ловко поигрывающий холеной рукой золотой табакеркой.

– За иное дело и можно наказать, а тут особой нужды не вижу, – упрямо мотнул головой Михаил Илларионович Воронцов и выразительно глянул на Бестужева, ожидая возражений того. Но канцлер молчал, задумчиво поглядывая в замерзшее окно. Тогда князь Трубецкой, понимая, что иных мнений высказано не будет, предложил:

– Я бы повременил, матушка, с наказанием...

– И это говорит генерал-прокурор отечества моего? – криво усмехнулась императрица.

– Верно говорит, государыня, – неожиданно поддержал того Бестужев, – мне доподлинно известно, что монета, которая в Петербурге чеканится, пока до Сибири ее довезут, то почти год уходит. Ускорить надо дело по чеканке новой монеты.

– Премного благодарен тебе, Алексей Петрович, – насмешливо поклонился ему через стол Шувалов, – без твоего слова у нас в России и курица яйца не снесет. – Но Бестужев, не желая спорить с давним своим соперником, лишь тяжело вздохнул и вновь вперил взор свой в окно.

– А те податные деньги, что в Сибири собирают, куда затем идут? – поинтересовался Воронцов, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Известно куда, в столицу, – ответил, не задумываясь, Шувалов.

– То-то оно и плохо, – хмыкнул Воронцов, – сперва из Сибири к нам везем, а потом обратно к ним. Не дело.

– До иного не додумались пока, – ответил ему сумрачно Шувалов, у которого были свои виды на Сибирь, и он давно мечтал открыть или выкупить там несколько заводов по производству вина. – Как наладим чеканку новой монеты, то в достатке ее будет во всех губерниях.

– Для новой монеты и серебра изрядно потребуется, – не отрывая задумчивого взгляда от оконного стекла, возразил ему Бестужев. – Слышал я, будто бы в Сибири в восточных землях залежи серебряные имеются. Надо бы рудознатцев направить туда, чтоб доподлинно знать, есть ли там серебро или дальше придется прикупать в иных странах втридорога.

– Тебе, Алексей Петрович, заграничных дел мало, ты думаешь еще и внутренними делами заняться? – не оставил без внимания его предложение Шувалов, ревностно оберегая свои собственные позиции.

Елизавете Петровне стало неожиданно скучно слушать перепалку своих министров, которая начиналась всякий раз, как только они собирались вместе, а потому она, зевнув, махнула рукой и капризно заявила:

– Вы бы, петушки, выбрали другое место для перебранки, никак императрица перед вами...

– Покорнейше прощения прошу, – тут же извинился и тяжело поднялся со своего кресла граф Бестужев. Зато Шувалов не произнес ни слова, надув по привычке свои щеки, но тоже смолк, боясь вызвать взрыв гнева у императрицы, который при всей мягкости ее характера нет-нет да и проявлялся. Сказывалась батюшкина кровь.

На какое-то время в кабинете воцарилась неловкая пауза, прерванная наконец голосом государыни:

– А про рудознатцев согласна я, надо искать серебро, а коль повезет, то и иное ценное чего. Распорядись, Петр Иванович, чтоб академики наши тожесь меж собой споры лишние не вели, а пускай снаряжают экспедиции по отыскиванию драгоценных металлов. Нечего жалование зазря получать.

Все присутствующие заметили, что настроение государыни как-то незаметно само собой вдруг испортилось, и решили, что конференция их вскоре будет закончена. Но императрица с видимым усилием взяла себя в руки и ровным голосом сообщила:

– Забыла я совсем об одном деле... Из Вены мне письмо пришло от сестры моей, Марии Терезии, то тебя, Алексей Петрович, касается, останься. А остальные господа министры мои могут быть свободны.

Все, шумно отодвигая кресла, поднялись, начали кланяться, выходя из кабинета. И лишь чуть сутулая спина графа Бестужева-Рюмина виднелась у большого опустевшего стола, словно нахохлившаяся птица сидела на ветке дерева.

– Знаю, о чем речь, матушка, – как только закрылась дверь за последним из министров, чуть глухим голосом начал канцлер, – о брате моем старшем, о Михаиле. Угадал?

– Чего с тобой поделаешь – угадал, – усмехнулась императрица уголками губ. – Ты ведь у нас провидец, на вершок вниз под каждого человека видишь.

– Ваше императорское величество к тем людям не относится, – поспешал оправдаться Бестужев, не предвидя от начала разговора ничего хорошего для себя.

– Давай, батюшка Алексей Петрович, шуры-муры друг перед дружкой разводить не станем. Ты постарше меня будешь, поумнее, а с меня, с глупой женщины, чего взять? Так, кажется, сестра твоего братца старшего обо мне писала в письмах?

– За что и наказана достойно. Уж пятый годик пошел, как в Сибири. Да теперь безъязыкая. И поделом ей...

– По глазам вижу – жалеешь свояченицу свою.

– Есть немножко, жалко глупую бабу, – чуть хмыкнул канцлер.

– То твое дело. Живи, как совесть подсказывает. А теперь ответь мне, что прикажешь со старшим братом твоим делать? Он мне всю игру портит заступничеством чрезмерным за сербов. Был у нас уже батюшка православный из Трансильвании, как его... – щелкнула пальцами императрица, пытаясь вспомнить трудную фамилию сербского батюшки.

– Николай Баломии, – услужливо подсказал Бестужев, лишний раз демонстрируя прекрасную память, о которой как его друзья, так и враги всегда отзывались уважительно.

– Верно, он самый. Мы тогда повелели всех сербов, что пожелают в Россию переселиться, принимать беспрепятственно. А что вышло?

– А что вышло? – как ни в чем не бывало спросил ее канцлер.

– Скандал вышел! Будто и сам не знаешь?

– Откуда мне знать, – опустил голову Бестужев, чтоб государыня не увидела хитринки, блеснувшей в его глазах. Он через доверенных людей из Вены давно знал о возмущении, в кото-

рое пришла императрица Мария Терезия вследствие заступничества Бестужева-старшего за единоверцев.

– Отписала нам императрица, мол, надоел ей братец твой и просит отозвать его из Вены. Что скажешь, Алексей Петрович?

– Что тут говорить, – поскреб чисто выбритый подбородок Бестужев, – вам решать. Он мне как-никак братом доводится, к тому же старшим.

– Зато по твоему ведомству служит. Приструни его как должно.

– Пробовал уже, не слушается, – хихикнул Бестужев, – он с детства меж нами верховодил.

– Женился без нашего согласия при живой жене на какой-то лютеранке, – закипела от возмущения императрица, вспомнив еще об одном нарушении неукоснительных дипломатических правил Михаилом Бестужевым.

– И о том мной было писано брату, – в очередной раз кивнул головой канцлер.

– Если бы не знала примерной вашей службы, братьев обоих, еще батюшке моему, то непременно отправила бы давно послушника в Сибирь вслед за женошкой долгоязыкой.

– Значит, отзывать Михаила из Вены? – предугадал Алексей Петрович решение императрицы.

– А ты хочешь, чтоб нам по его милости оправдываться перед всем Венским двором? Отзывай. Я указ тот хоть завтра подпишу.

– Слушаюсь, матушка. Велеть, чтоб в столицу возвратился?

– На короткий срок, а там подумаем. В Дрездене нам ловкий человек нужен. Может, туда его и определим. А приватно отпиши брату, мол, нет нужды ему в столицу с лютеранкой той заявляться. Пусть за границей его и дожидается, а нам ее ни к чему у себя принимать.

– Болея она, Михаил писал. Чахотка.

– Вот пусть врачи немецкие и лечат ее. А наш климат ей на пользу не пойдет, – не пожела проявить сострадания императрица.

Канцлер поднялся, понимая, что разговор закончен. Если честно, то в душе он едва ли не торжествовал – Михаил, который с детских лет верховодил, а затем и преуспевал, всегда шел впереди, когда они находились оба на дипломатической службе еще при живом отце, всегда чуть снисходительно относился к нему, Бестужеву-младшему. Зато теперь все становилось на свои места, и он может, почти может, праздновать долгожданную победу в незримом противоборстве двух братьев.

– С наступающим Рождеством! – вслед ему произнесла императрица.

– И вас, матушка, – канцлер чуть полуобернулся, но не задержался, вышел из кабинета и, медленно ступая и чуть побряхтывая, начал мучительный для больных ног спуск по мраморным лестницам дворца.

Глава 9

По случаю второго дня Рождества и освобождения Ивана из заточения в доме Зубаревых собрались многочисленные родственники – празднично разодетые, широко улыбающиеся хозяевам, подшучивающие друг над другом, подмигивающие главному виновнику. Иван стоял бочком в сторонке тоже радостный, с поблескивающими глазами.

Хозяйка дома, Варвара Григорьевна, не в меру суежилась, успевая и здороваться с гостями, и носить в столовую очередную закуску, расставлять все в требуемом порядке с помощью старой няни, которую по привычке все звали по-домашнему Прокопьевной.

А праздничный стол уже не вмещал носимых с кухни угощений, но Варвара Григорьевна умудрялась сдвигать одну из тарелок, втискивая очередное блюдо. Тут стояли и баранья нога, запеченная в тесте, а рядом неизменный рождественский поросенок в румяной хрустящей корочке, горкой высились расстегаи, отдельно красовался пирог из нельмы, искрился холодец янтарной желтизной жирка, особняком, на самом краешке пристроились соленые грибочки, рядом с ними моченая брусника, а чуть дальше квашеная капуста и соленые огурчики. Гости, входя в столовую, первым делом охали от изобилия кушаний, качали головами, втягивали носами тонкий аромат, столь привычный каждому праздничному сибирскому столу.

Хозяин, Василий Павлович Зубарев, прошел в дальний конец стола и, перекрестясь, сел под образами, приглашая и остальных занять места. Рядом с ним тяжело опустился на лавку казачий полковник, крестный Ивана, Дмитрий Павлович Угрюмов, что служил в Тюмени, но по несколько раз на год приезжал в Тобольск по служебным делам и неизменно останавливался в доме у Зубаревых. Присел и тобольский дворянин Петр Андреевич Карамышев, у которого с хозяином дома велась давняя дружба. Подле него сел кражистый, осанистый Иван Иванович Пельмский, происходящий из старинного рода сибирских князей, коим в свое время была пожалована грамота на их исконные земли, занимавшие немалую площадь. Но грамота со временем утерялась, земли частью проданы, частью заложены, и последний человек из их рода жил безвыездно в Тобольске на небольшую ренту с малых остатков той земли.

За другим концом стола, напротив хозяина, поместился Михаил Яковлевич Корнилев, благодаря чьим стараниям и был освобожден из острога Иван. А рядом с ним сидели его братья, – Федор, Алексей и Василий, – приходившиеся Зубаревым кровной родней по тетушке их, хозяйке дома Варваре Григорьевне.

В центре меж остальными гостями был посажен городской благочинный отец Павел, человек степенный и рассудительный, служивший в Тобольске уже два десятка лет и знавший наперечет всех горожан от мала до велика. Правда, он был не большой охотник принимать участие в застольях, но и отказать прихожанам не мог, а потому обычно уходил из гостей самым первым, сославшись на многочисленные дела и заботы.

Женщины, по давнему сибирскому обычаю, собрались на другой половине дома, чтоб не мешать мужским разговорам, да и самим им было о чем посудачить, пожалиться друг дружке, а то и спеть что-нибудь из своих девичьих песен, украдкой всплакнуть вдали от сурового мужского окрика и глаза.

Когда мужчины выпили как положено за Рождество, за хозяев дома, за Иваново освобождение, то полковник Дмитрий Угрюмов, голосом, привыкшим отдавать команды и приказания, начал увещевать крестника:

– Сколь раз говорил я тебе, Иван, не ищи правду-матку на свою дурную башку. Ведь говорил? – ткнул он коротким прокуренным пальцем в сторону Зубарева-младшего, сидящего напротив него.

– Говорил, крестный, говорил, – согласно кивнул Иван, аппетитно хрустя соленой капусткой.

– Не захотел меня слушать? Вот и намотал соплей себе на кулак. Ладно, что так еще дело обернулось, а мог бы и годик, а то и поболее в остроге просидеть, и никто бы тебя оттуда не выручил.

– Вы уж скажете, ваше благородие, – чуть сощурил глаза Михаил Корнильев, – мы, чай, не последние руки в городе, выручили бы.

– Как знать, – не согласился с ним полковник, – а был бы на службе, как все добрые люди, то ничего с ним и не случилось бы. Давно бы тебя к себе в конный полк определил, уже до вахмистра, глядишь, дослужился бы.

– Да чего ты все о службе своей толкуешь, – попробовал заступиться за сына Зубарев-старший, – женить Ивана поначалу надо, а потом все остальное приложится. Да и на кого я свое торговое дело оставляю, коль он один сын у меня, а обе дочки замужем?

– По торговому делу он быстро в гору пойдет, – подал голос младший из Корнильевых, Василий.

– Мало вашего брата разоряется в один день? – и не думал сдавать свои позиции полковник.

– Это точно, – вздохнул Василий Павлович, – то пожар, то баржа затонет, а то иная беда найдет, только успевай ворота открывать.

– Алексей вон у нас, – показал пальцем на брата Михаил Корнильев, – вложил все, что за душой имел, в хрустальную фабрику, а случись с ней чего, не приведи Господь, то и нагим останется.

– Типун тебе на язык, братец, – глухо отозвался Алексей Яковлевич, который был на голову выше остальных братьев. – Ты вот при должности в магистрате сидишь, и ладно, а нам голову в петлю совать приходится.

– Все под Господом ходим, – тяжело вздохнул Зубарев-старший, – так говорю, батюшка?

– Истинно так, – отвечал тот, вставая из-за стола, – пойду я, а то дел много.

– Да куда вы? Посидите чуть, – встрепенулся Василий Павлович.

– Нет-нет, благодарствую, – ответил тот, – оставайтесь с миром. – И, перекрестив всех, тихо удалился.

– Ему какая печаль, когда под ним все городские священники ходят, – кивнул вслед отцу Павлу Михаил Корнильев.

– Про него плохого говорить не позволю, – погрозил ему пальцем Зубарев-старший, – он за меня сколько раз перед владыкой заступался?

– Да, владыка у нас нынче сурьезный мужик оказался, – степенно заявил Михаил Корнильев.

– Сказывали мне, – поддержал его младший из братьев Василий Корнильев, – будто бы приказал он выписывать по церквам всех, кто на исповедь не ходит...

– Слыхали о том, – кивнул чубатой седой головой полковник.

– А потом их всех в работу направляет при монастырях, – шепотом закончил Василий и оглянулся на дверь, за которой скрылся отец Павел.

– Особо он татар не любит, – сообщил негромко Карамышев.

– За что их ему любить? Нехристей, – хмыкнул Алексей Корнильев.

– А меня в Санкт-Петербурге татаринном называли, – неожиданно заявил князь Пелымский.

– Расскажи, расскажи о том случае, – подначил его Василий Зубарев, хотя почти все из гостей, включая его самого, хорошо знали о неудачной поездке сибирского князя в столицу.

– Я не слыхал, – хохотнул полковник, наливая себе в рюмку вино, – расскажи, только не особо долго. По-военному.

– Чего там рассказывать, – начал Пелымский, – из столицы указ пришел, чтоб всем людям княжеского достоинства прибыть в столицу для выправления специальных свидетельств о том.

Я отнекивался было, не хотел ехать, а губернатор мне, мол, поезжай, да поезжай. Поехал. Нашел дворец, где императрица размещается, а тогда еще Анна Иоанновна государыней была, подошел к караульному офицеру. Говорю ему, так и так, приехал с императрицей побеседовать, – все гости при этих словах дружно захихикали и опустили головы, чтоб не смущать рассказчика. – А он мне и отвечает: если каждый татарин будет императрице докучать, то ей некогда будет и делами своими заниматься. Чего делать? Собрался и обратно поехал.

– Значит, зря в столицу съездил? – хохотнул полковник.

– Почему зря? – не согласился Пелымский. – Парик себе купил, посмотрел, как там все устроено.

– Парик! – не сдерживаясь, захохотал Угрюмов. – В столицу за париком ездил! Вот, Ванька, – обратился он к крестнику, – учись. Был бы на службе, то направил бы тебя в столицу, глядишь, и государыню нашу своими глазами увидел бы. Слушай, крестник, – обнял за плечи Ивана полковник Угрюмов, – от души тебе предлагаю: иди ко мне на службу. Чин дам. Сразу вахмистром назначу. Жалование положу. Ну, соглашайся. А то потом поздно будет.

– Успеется, – неопределенно отозвался тот.

– Последний раз предлагаю: айда ко мне в полк, не пропадешь. А отец, как я погляжу, не даст тебе ходу в торговом деле. Он и сам еще молодец хоть куда. Двум медведям в одной берлоге не жить... Точно говорю.

– Нашел медведя, медвежонок он пока. А желает, то пусть свое дело открывает, я не противлюсь, – покосился на сына Зубарев-старший, – только поначалу женится пусть.

– Успеется еще, – робко попробовал возразить Иван.

– Пора его женить, пора, – поддержали со своего конца братья Корнильевы, дружно подняв наполненные рюмки, – найдем ему невесту и с красотой, и с приданым.

– А чего далеко ходить, – широко улынулся Михаил Яковлевич, – вон у Андрея Андреевича дочка на выданье. Как зовут дочь?

– Лиза, – ответил Карамышев и поправился: – Елизавета. Да молода еще, и шестнадцать не минуло. Куда спешить? В девках она у меня не засидится и по дому помощница первая, и мастерица, и грамоту знает.

– И грамоту знает? – шутливо переспросил его Алексей Корнильев. – А вон у нашего Федора, – ткнул он в бок сидящего рядом брата, который был необычайно молчалив и застенчив, – жена два года как померла, царство ей небесное, никак мы его женить не можем. Не отдашь, Андреевич?

– То дело тонкое, – хитро улыбнулся тот, – подумать надо. Да и молода моя Лизавета, подождем годик-другой.

– Дай бог, чтоб добрый жених достался, – первым поднял свою рюмку Дмитрий Угрюмов и опрокинул в себя.

– Дай-то Бог... – подхватили остальные, ставя на стол пустые рюмки.

Какое-то время все сосредоточенно закусывали, пододвигая к себе то одно, то другое блюдо. Первым голос подал хозяин.

– Слышь, Алексей Яковлевич, – обратился он к одному из Корнильевых, – фабрика твоя хрустальная доход дает или ради интереса завел?

– Ты уж скажешь тоже, Палыч, – хмыкнул тот, – можно подумать, я ее на погляд да на потеху завел. Первую партию до холодов выгнали полуштофов, штофов, по теплу и дальше начнем. Приезжай поглядеть.

– Приеду, непременно приеду и Ивана с собой возьму, – горячо закивал головой тот. – Я ведь думал, что стекло в наших краях производить никак нельзя. А ты, вишь, как повернул дело. Много человек у тебя там работает?

– С углежогам, с возчиками – три десятка человек. Один мастер из Москвы выписанный за всем следит.

- И неужто уже прибыль дала твоя фабрика? – все выводывал Зубарев.
- Коль честно сказать, то пока нет. Не возил еще на ярмарку посуду. Но если посчитать, сколь сделали, то расходы все и покроются.
- А ты, Алексей, скажи, что нашел на речке Аремзянке, – кивнул ему Василий Корнильев.
- Помалкивай, – оборвал его Алексей, – рано еще об этом. Спешись все, гляди, язык-то доведет тебя до греха.
- Так все одно рано или поздно узнается, – отмахнулся тот, – свои ведь люди.
- Чего это вы там скрываете от сродственников? А ну, признавайтесь, – шутливо погрозил пальцем Зубарев-старший, и по тому, как загорелись, заблестели его глаза, было видно, что его так и раздражает любопытство.
- Песок он золотой на речке Аремзянке сыскал случайно, а открыться боится, – выдал брата Василий.
- Вот оно что, – даже чуть привстал со своего кресла Зубарев.
- Золотой песок?! – поскреб в голове Карамышев.
- Быть не может.
- Властям о том надо в первую голову сообщить, – укоризненно заметил князь Пелымский. – Я вот всегда...
- Ой, ты бы, князюшка, помолчал, – не вытерпел Михаил Корнильев.
- Он сообщит, непременно, – заступился за брата Федор Корнильев, все это время не заговоривший ни разу.
- Откуда в наших краях золоту только взяться? – недоверчиво спросил всех полковник Угрюмов. – Его тут и ране искали, еще при князе Матвее Петровиче Гагарине, не к ночи будет сказано, – перекрестился он и все другие вслед за ним. – За золото это он и пострадал, упокой, Господи, душу его многогрешную. За золото его царь Петр и жизни лишил. Хотите расскажу, как было все?
- Хотим, хотим, – откликнулись со всех сторон стола.
- Тогда слушайте. Только выпьем малость, чтоб в горле не пересохло, – подставил он свою рюмку, выпил, закусил и принялся обстоятельно рассказывать, как он участвовал в поисках золотого песка в разных уголках Сибири. Из его рассказа выходило, что искали золото вокруг Тобольска, но и малейших залежей золотого песка или иного чего не нашли. А у остяков и вогулов на их капищах встречается множество украшений как из золота, так и из серебра. Стали их расспрашивать, и все они показывали, как один, мол, с Урала привозили к ним изделия, а уже здесь они выменивали их на меха. И велось так не одну сотню лет.
- Вот тогда князь Гагарин и снарядил нескольких пленных шведов, что были в Тобольске после пленения в Полтавской битве и понимали толк в рудах, да с ними еще десяток казаков на поиски драгоценных залежей на Урал. И он, Дмитрий Угрюмов, тогда еще совсем молодой казак-первогодок, оказался в том отряде, и промышляли они подряд два лета, возвращаясь на зиму обратно в Тобольск. Но им не везло с самого начала. Находили множество древних разработок, старых шахт, но там все больше попадались иные металлы: медь, железо, олово. А золотых приисков не находили. В третье лето они решили подкупить старшин башкирских, что кочевали со своими кибитками по югу Урала. Те явно что-то знали, но помалкивая, не желая бесплатно открываться властям. Князь Гагарин выделил солидную сумму из казны на подкуп, и они отправились. Нашли старика, которого все звали Чагыр. Тот как услышал про деньги, то сразу согласился показать на реке Уй место, где золотой песок на поверхность выходит. Но деньги просил вперед дать, боялся, обманут русские. И сам ехать из-за старости не хотел, обещал сына своего отправить. Поторговались, поугovarивали старика, а он на своем стоит. Делать нечего, решили выдать ему половину, а вторую, когда песок золотой найдут.
- Поехали. Добиралась больше недели, показал им сын старика, где тот песок мыть надо. Стали мыть как умели, а через короткое время нашли несколько самородков, но небольших.

Шведы, что с ними были, морщатся, что не то все. Видно, парень другое место указал по уговору с отцом, а может, и напутал чего. А ночью парень сбежал с деньгами вместе и коней у них увел. Две недели выбирались, плутали, пока вышли к становищу, где тот Чагыр обитал. А там плач, вой, слезы. Говорят, помер Чагыр прошлой ночью и схоронили уже. Могилку показали. А та или нет могила – и не разберешь. Спросили про деньги, молчат. Взяли мы двоих стариков, коней у башкир и повезли в Тобольск, чтоб они сами ответ перед губернатором держали. А тут новое дело – князя Гагарина Матвея Петровича, в железах закованного, в столицу будто бы увезли по указу государя императора. Делать нечего, стариков отпустили, лошадей пришлось им вернуть, а то грозились жаловаться, как бы заодно с князем и их не загребли. Шведов в скором времени тоже обратно на родину отпустили, старики из казаков, что с ним ездили, поумирили кто где. И вот он, Дмитрий Угрюмов, один из всех остался. Все сам собирався снова на Урал отправиться, а не выходило – дела, служба.

Когда полковник закончил рассказывать, то некоторое время все молчали, переглядывались, не зная, верить этому или нет. Но и особых оснований не верить старому служаке не было.

– Чего ж ты раньше молчал? – заговорил Зубарев-старший. – Губернатору бы новому открылся.

– А мне какой с того толк? – пожал тот плечами. – Я и подзабывать обо всем том начал. Так вот к случаю пришлось – и рассказал.

– Слышал я, будто бы государыня тем, кто новые прииски руд откроет, жалует высокие чины и в дворянство возводит, – задумчиво проговорил Михаил Яковлевич Корнильев. – Был бы помоложе, опробовал удачу. – И он кинул выразительный взгляд на младшего из братьев, Василия. Тот понял, что слова брата адресованы именно к нему, но покачал с усмешкой большой рыжеволосой головой, сверкнул черными глазами, ответил:

– Не по мне такое дело... Там, где золото, там и корысть, разбойники, воры набегут, оглянуться не успеешь, как глотку перережут или голым по миру пустят.

Вдруг Иван Зубарев порывисто вскочил из-за стола и обратился к отцу:

– Благословите, батюшка, на доброе дело.

– О чем это ты? – не понял тот.

– На золотые прииски отправиться. Коль песок сыщу, то и себе прибыль добыду, и государыня может отметить, в дворянское достоинство, глядишь, возведут.

– Думай, о чем говоришь, – отмахнулся от него Зубарев-старший, – не такие молодцы, как ты, шею себе на том деле поломали. У нас и своих забот хватает, а ты – прииски...

– А почему бы и нет? – заступился за двоюродного брата Михаил Корнильев. – Со своей стороны обещаю людьми помочь, отправить с Иваном пару человек, снаряжение куплю, какое требуется.

Василий Павлович на какое-то время задумался, пытаясь оценить предложение, глянул на полковника Угрюмова.

– Чего скажешь, Дмитрий?

– А чего тут говорить, – не поднимая головы, ответил тот, – дело верное. Я те самородки своими руками держал. Как сейчас они у меня перед глазами стоят. Ежели бы Матвей Петрович еще годик побыл здесь, то непременно нашли бы мы те прииски.

– Не знаю, чего и ответить, – почесал в голове Зубарев-старший. – Ванька у меня парень доверчивый, готов всякому поверить. А с другой стороны, словно уксус въедливый, моя кровь, – не без гордости хохотнул он, – а может, и вправду дать отцовское благословение на сие дело?

– Я бы поостерегся, – высказался осторожный Карамышев.

– Потому и сидишь тут сиднем, а все без толку, – жестко подрезал его Угрюмов, – без риска и рыбку из реки не выловишь.

– За большое дело берется Иван, – добавил от себя Алексей Корнильев. – И я со своей стороны готов денег подзанять.

– Ладно, – окончательно сдался Василий Павлович, – будь по-твоему, Иван. Поезжай, только лета дождись, а то знаю тебя, готов хоть завтра в путь отправиться.

– Спасибо, батюшка, – прочувственно поклонился ему Иван, – и вам, братья, спасибо на добром слове. Не подведу, вы меня знаете.

– Да чего там, – отозвались дружно те, – мы всегда рады помочь.

Вскоре все стали расходиться, ссылаясь на поздний час. Остался ночевать лишь полковник Угрюмов, которому завтра с утра надо было отправляться обратно в Тюмень. Прокопьевна и Варвара Григорьевна, проводив гостей, начали убирать со стола. Мать, узнав, что Иван собрался ехать в степь искать какое-то золото, всполошилась, принялась отговаривать его:

– Ишь ты, храбрец, выискался! Деньги просвищешь, ничегошеньки не найдешь, а хозяйство и дела все нам с отцом на себе тянуть? Не было меня при том, а то бы я сказала тебе...

Зубарев-старший усмехнулся на слова жены и кивнул Угрюмову:

– Пошли в мой партамент. Там без крика и поговорим. Варя, принеси-ка нам наливочки туда. И ты, Вань, айда с нами. Чего тебе тут с бабами сидеть, ихние рассказы да причитания слушать.

– Идите, идите, – выговорила им вслед Варвара Григорьевна, – без вас и нам спокойней, не наговоритесь все никак.

В комнате, где у Зубарева-старшего хранились бумаги с записями его торговых дел, стояли простые деревянные лавки вдоль стен, в углу висели образа, горела лампадка. Единственное, что отличало его комнату от других, это большой резной стол с различными ящичками, запираемыми на ключ, который хозяин никогда никому не доверял. Василий Павлович зажег от лампадки длинную лучину, а от нее затеплил свечу, стоящую в бронзовом подсвечнике посреди стола, и указал полковнику и сыну на скамью:

– В ногах правды нет.

– Это точно, – согласился Дмитрий Угрюмов и, покряхтивая, опустился на лавку. – Я вот чего-то и не рад, что рассказал про золотые прииски эти. А? Василий? Худа бы не вышло. Может передумаешь, запретишь Ваньке розысками заниматься? Дело непростое, всякое выйти может...

– Разве его удержишь? Я ему и про ярмарку говорил: зря себя тратишь, воров на свет вывести пробуешь, грамотки разные строчишь. Я письму не обучен был, сам знаешь, а он вот может... И что толку с того? Лишь гербовую бумагу переводит, а она пятачок каждый листик стоит, – горячился он.

Обычно Зубарев-старший больше молчал, вечно занятый своими делами, щелкал костяшками счет у себя в комнате и выходил лишь к обеду или ужину. Утром поднимался чуть свет и, перекусив, исчезал на весь день. Но сейчас, после прилично выпитого, разговорился и не прочь был обсудить с кумом дело, на которое сам и благословил сына, не желая ударить в грязь лицом перед гостями, да и опять же в силу выпитого.

– Лучше бы он эти бумаги и дал писал, убытков меньше, – почесал в почти седой голове Угрюмов, – а вот ехать в степь... тут в такой расход войдешь, что и не рад будешь, что связался.

– Брат Михаил помочь обещал, – негромко подал голос Иван.

– Как же, поможет! А потом с тебя за все по тройной цене обратно взыщет да и долю от добытого взамен барахла своего потребует. Знаю я этих Корнильевых, – стукнул себя в грудь кулаком Василий Павлович, – обдерут, как липку, и слезу при том горючую пустят...

– Не наговаривай зря на родню, – взял его за руку Угрюмов, – не они ли помогли Ваньку из острога выпустить? Ладно, у меня тут мыслишка одна на ум пришла, послушайте. Вот коль вы бумагу губернатору напишете, то согласно ей должен он вам помощь всяческую оказывать

в розысках. Просите с него казаков для сопровождения. А как он согласие даст, то тут уже и я помогу, выделю тебе, крестник, пару добрых ребят. Годится?

– Годится! – откликнулись радостно отец и сын.

Полковник Угрюмов уехал еще затемно, не простившись с крестником. А сам Иван, когда утром вышел к столу, вспомнил о вчерашнем разговоре, то вдруг смутился и попытался отвести глаза от строгого взгляда матери.

Глава 10

Ближе к обеду Василий Павлович Зубарев велел закладывать легкие беговые санки.

– Орлика заложил, – крикнул с крыльца конюху Антипке, как будто тот и сам не знал, что приобретенный у киргизов два года назад совсем жеребенком и теперь выросший в доброго коня Орлик был главной любовью и гордостью хозяина. Отец не допускал к нему даже Ивана, хотя тот и просил пару раз выехать покрасоваться на статном жеребчике. Не дал. Лишь на прошлую Масленую испробовал Орлика на выезд. Никого не взял с собой, не хотел тяжелить санки. Вернулся веселый, возбужденный, довольный выездом: «Всех, как есть, обошел!» – крикнул, едва ввалившись в дом.

Иван не вытерпел, накинул короткий полушубок, отправился на конюшню. Антипка уже надел на жеребчика сбрую, хомут и выводил из конюшни. Увидев Ивана, махнул рукой:

– Отойди к сенцам, а то испугаешь раньше времени, – и, поворачась к Орлику, погладил ласково по морде, приговаривая: – Хороший мой, ой какой хороший, не бойся, не бойся, дурашка. – Тот встряхивал головой, шел осторожно, пристукивая коваными копытами по толстым, разбитым за многие годы, половицам настила. – А вот теперь иди ближе, помогать станешь, – позвал Антипка, даже не оборотаясь в Иванову сторону, показывая свое превосходство перед ним на конюшне. – Да куда попер?! Куда?! – не понять, кому заорал он со злостью. – Перед мордой у него проходи, чтоб видел. Иль не знаешь, что к коню сзади подходить не следует? Только испугаешь, а то и по зубам копытом получишь. Ой, ну чему тебя только учили, – продолжал он все так же громко, с криком, – за узду держи, оглаживай, по шее гладь, а я сейчас санки подтащу, – командовал Антипка. – Сейчас самое трудное будет – оглобли в гужи вдеть, он их сзади не видит, шарахается, – пояснял на ходу, торопливо подтащив легкие санки и заведя оглоблю в гуж, а потом, ловко поднырнув под мордой у Орлика, отпихнул Ивана, подхватил вторую оглоблю, вдел, принялся затягивать супонь, упершись коленом в клешни хомута. – Готово! – проговорил довольный и слегка похлопал жеребчика по спине. – Ну, с Богом!

Василий Павлович Зубарев вплыл на крыльцо, неспешно натягивая расшитые бисером рукавицы, в длинном тулупе с белым, шалью, воротником из молодого барашка, на голове лисья шапка, а на ногах крашенные узорчатые пимы.

– Эхма! Морозец! – крякнул он, шуря глаз на потянувшегося к нему мордой Орлика. – А ты чего стоишь? Едем! – обратился к Ивану. – Пока ворота отпирают, чтоб мигом переоделся! – Последние слова проговорил, уже не глядя на сына, и тот понял, что у отца на уме сейчас одно: как пойдет нынче жеребчик, покажет ли прежнюю прыть, что и в прошлом году. Он и не ожидал, что отец пригласит его с собой, а потому опрометью кинулся в дом, быстрехонько переоделся во все праздничное, под стать отцу, и нагнал санки, уже выезжавшие на широкую Богоявленскую улицу, в сторону реки.

Антипка, бежавший некоторое время рядом с ними, отстал, успев сунуть в руки Ивану кусок черного подового хлеба, густо посыпанного крупной солью.

– Потом дашь! – кричал он вслед хозяйским санкам.

А Орлик, сделав несколько шагов по улице, глотнув морозный воздух, выпустив широкую струю пара из ноздрей, пошел широкой рысью, кося глазом по сторонам, чуть откинув назад красивую аккуратную голову, пофыркивая. Он шел размеренной рысью, словно учил кто его этому правильному и единственно верному ходу. Вот они нагнали понуро бредущую клячу водовоза, и отец Ивана громко щелкнул в воздухе коротким ременным кнутом, что обычно висел в горнице на стенке, изготовленный специально для праздничных выездов. Водовоз вздрогнул, обернулся, но узнал Зубарева, потянул с головы засаленный треух, поклонился, пискливо крикнул: «Наше почтение, Василь Палыч!» Но Зубарев не ответил, а лишь подмиг-

нул старику, зорко смотря вперед, где из-за поворота, с Базарной площади неся по мосту запряженный в такие же легкие санки гнедой рысак-пятилетка.

– Васька Пименов правит, – жарко крикнул отец в ухо Ивану, – сейчас начнет на реку звать. – Он чуть попридержал Орлика, чтоб не сцепиться санками на узком мосту, подождал, когда Пименов подлетел к ним вплотную, и заорал на всю улицу:

– Палыч! Вот ты где! А я прокатиться выехал, дай погляжу, кто где есть, хотел к тебе завернуть, а ты сам и едешь. Здорово!

– Здорово, Василий!

– Конек-то у тебя каков стал! Красавец! – Пименов был под изрядным хмельком и явно искал, с кем бы поговорить, потолковать, перекинуться словом. – Айда на реку, – крикнул он, и отец чуть повел головой в сторону Ивана, мол, что я тебе говорил.

– Так ты уж загонял своего Валета, – кивнул он на пятигодку, который тяжело дышал, вздымая бока.

– Да чего ему станется?! По Пятницкой из конца в конец проехал, чтоб поразмять чуток.

– Тяжел он у тебя на ходу, – покачал головой Василий Зубарев, – чаще проминать надо.

– Когда? Ты мои дела знаешь: сегодня здесь, а завтра... айда куда подале, – весело кричал Пименов, сверкая темными цыганскими глазами. Весь город знал о его неусидчивости, буйном норове, когда он мог сорваться посреди ночи, уехать, не сказав домашним ни слова, прямо в канун Великого поста, а вернуться обратно лишь к концу лета. Всеми делами управляла его жена, Софья Ниловна, держа дом и хозяйство в кулаке, ведя торговлю в отсутствие мужа. – Так едем на реку? Помню, как обставил меня на Масляну неделю, помню, опробуем на этот разок.

– Оно можно, – неожиданно легко согласился Зубарев, хотя Иван знал, что отец был не любитель подобного, считал это дурью, блажью, – только я с сыном сегодня, а ты вон пустой. – И Иван понял, отец хитрит, клонит к чему-то своему. – Ты бы, Василий, тожесь кого в санки посадил для равности...

– Счас, найдем кого дорогой из знакомых, – не задумываясь, согласился Пименов, – а и винца выпить нам с тобой не мешало бы. А? Чего скажешь?

– После, после, – мягко улыбнулся Зубарев, – ты лучше дочку свою с собой возьми, Наталью. – Тут только до Ивана дошло, куда клонит отец, и он вспомнил вчерашний разговор о женитьбе, густо покраснел, отвел глаза, словно его уличили в чем-то нехорошем.

– Наталью? – весело закричал Пименов. – А почему и нет? Она давеча со мной просилась, да думаю, не бабье то дело с мужиками на санках наперегонки кататься. А коль ты настаиваешь, то непременно захватим. Езжайте наперед, а я развернусь пока, – гикнул Васька Пименов на своего Валета, привстав на санках и разворачиваясь прямо посреди улицы.

Иван хорошо знал дом Пименовых, стоящий на углу Пятницкой улицы, где жили самые городские богатеи. Отец когда-то дружил с Василием, но потом пути их разошлись, в чем-то не ладились, но друзьями остались, тем более оба были завзятыми лошадиниками и при случае каждый старался отличиться хоть в чем-то, хвастаясь вновь купленными лошадьми, санками, сбруей. Может быть, благодаря Пименову и держал до сих пор Василий Павлович выездных жеребцов, пробовал даже как-то вывести свою породу, но обходилось это дело недешево, и он сколько раз зарекался бросить все, продать и санки и дорогую сбрую, но в последний момент что-то останавливало его, и он откладывал до весны, до осени и не мог признаться сам себе, что ему прежде всего жалко расставаться со всей той удалью, радостью, хлещущей через край в праздничные дни на подобных выездах.

Промчавшись по Пятницкой мимо торговых рядов, лавок, откуда выглядывали красно-мордые приказчики, рядом толпились мужики и бабы и все глядели на идущего чеканной рысью Орлика, хлопали в ладоши, гоготали, махали руками, кто-то даже свистнул им вслед. Через пару минут они уже подъезжали к двухэтажному дому Пименовых. Отец сдал на обочину дороги, направил жеребчика головой к палисаду, кинул вожжи Ивану, выскочил, привя-

зал недоуздок к перекладине, обтер пот с конского бока нарядной рукавицей, погладил коня по мягким губам. Следом подлетел и сам Пименов, встал рядом.

– Куда, – заорал Зубарев, вскинув руки, – грызться начнут!

– Ай, на тебя не угодишь, – ругнулся сквозь зубы тот, но развернул своего коня, поставив головой к углу дома и, не привязывая, соскочил на землю, бегом кинулся к воротам, кинув на ходу Василию Павловичу, – погляди там, – хлопнул калиткой.

– Господа, тоже мне, – беззлобно заворчал Зубарев-старший, – без слуг никак обойтись не могут, – но подошел к Валету, потрепал и его по гнедой голове, взялся за узду, сдерживая танцующего на месте коня.

Не прошло и нескольких минут, как Василий Пименов показался в калитке, махнул рукой Зубареву:

– Айда пока в дом, а они пущай за конями посмотрят, – и подмигнул шальным цыганским глазом, потом посторонился и пропустил вперед дочь, что, наклоня голову вниз, перешагнула через высокую подворотню и несмело вышла на улицу, негромко поздоровалась и вновь опустила глаза.

– Коль так, то пойдем. – Зубарев понял хитрость друга, решившего оставить молодых на улице, и не стал противиться, подвел отдышавшегося уже Валета к кольцу коновязи, что была вделана прямо в среднее бревно дома, привязал, окинул взглядом смущенного Ивана, поздоровался, проходя мимо Натальи, и нырнул в калитку.

Когда Иван и Наталья остались одни, то какое-то время каждый не решался начать разговор, делая вид, что с нетерпением ждут, когда выйдут их родители.

– Да скоро они там?! – первой прервала молчание девушка и, вытянув шейку, глянула в замерзшее окно.

– Ты тоже с нами поедешь? – невпопад спросил Иван хриплым от смущения голосом и закашлялся, потер щеку рукавицей, заметил на ней дырку, спрятал за спину и наконец нашел себе занятие, начав протирать от изморози ближнюю к нему оглобину.

– С кем же еще? – удивилась девушка. – Папа сказал, что вы и пригласили нас. А ты что, не хочешь, чтоб я ехала?

– Нет... почему... поезжай, куда хочешь... можешь и с нами, и вообще... – нес околесицу Иван, все более понимая, что говорит совсем не то, надо бы о чем-то другом, чтоб разговорить Наталью, и вдруг спросил, сам не понимая зачем: – А у вас тепло дома? Не дует?

– Чего? – не сразу поняла Наталья. – Не дует, ты спросил? Ха-ха-ха, – залилась колокольчиком. – А почему у нас дома и вдруг дуть должно? Коль двери закрыты, то само собой не дует. У вас дует, что ли? Почему спросил? Смешной ты какой...

– Да я вот совсем недавно с острога выпущен, а там дуло, шибко дуло, – неожиданно для себя начал откровенничать Иван.

– Ты... в остроге сидел? – ужаснулась Наталья. – За что ж тебя туда запрятали?

– За правду, за что еще.

– Это ты зря. За правду у нас не закрывают в острог. Разбойничал, поди? Чего отнекиваешься? Я слыхивала от стариков про разбойников, про них и песни поют.

– Все я не разбойник, – упрямо набычился Иван, – на Ирбитскую ярмарку поехал, чтоб приказных на чистую воду вывести, а меня там повязали и сюда привезли.

– Быть не может, – покачала головой Наталья, и ее большие глаза распахнулись еще шире. В отличие от отцовских, черных, они у нее были голубые, прикрываемые длинными ресницами. Небольшой курносый носик, вздернутый вверх, придавал лицу смешливое выражение недоверчивости. Видел ее Иван третий или четвертый раз в жизни и сейчас, представив, что отец может повести его свататься к ней, Наталье, ему стало вдвойне неловко, и он постарался перевести разговор на что-то близкое, знакомое и понятное обоим.

– Валет у вас бежит хорошо. Добрый конь.

– Ага, – согласилась Наталья и тут же оживилась, заговорила быстро, почти без перерыва: – Только редко отец выезжает на нем. Я думала, бережет, а он все отнекивается, мол, некогда, дела все. Хорошо быть хозяином в доме, – что хочешь, то и делаешь. А меня маменька все вышивать усаживает с утра и не пускает никуда. В храм и то с теткой Марьей хожу, если маменька приболеет. Ты вон объездил все кругом, а я только в деревне и бывала за рекой, когда по ягоды ездили. Сижу все дома да в окошко и поглядываю. Хоть зашел бы кто.

– Давай я к вам в гости ходить стану, – расхрабрился неожиданно Иван, мне отец разрешит и Орлика запрячь, кататься поедem.

– Что ты! – очень по-женски всплеснула руками Наталья. – Папенька, коль узнает, то прибьет на месте. Он, знаешь, у нас сердитый какой!

– Это кто там сердитый? – послышался сзади голос Василия Пименова, и Наташа, обернувшись, увидела вышедшего на улицу отца с Василием Павловичем Зубаревым. Лица у них слегка покраснелись, а Пименов и вовсе дожевывал на ходу соленый огурчик, смачно хрумкая. – Я, поди, сердитый? Ты, дочка, сердитых еще и не видывала на своем веку. И не дай бог наглядеться на них.

– Да нет, я... – попыталась возразить мигом оробевшая Наталья, но отец лишь махнул рукой и сгреб ее в охапку, усадил в санки, начал отвязывать застоявшегося Валета, вывел его на дорогу.

– Через Абрамовский мост поедem? – спросил Зубарев-старший.

– Давай через него и махнем, – отозвался Василий Пименов. – Догоняй! – И щелкнул кнутом, покотив вперед.

Василий Павлович на ходу запрыгнул в санки, слегка придавив сидевшего посредине Ивана.

– Подвинься, – коротко бросил ему и поддал вожжами нетерпеливо вздергивающего головой Орлика. – Пошел! – И громко, по-разбойничьи, свистнул так, что из-за соседних ворот затаивались обеспокоенно собаки, и, встав на ноги, перехватил вожжи в левую руку, а правой защелкал в воздухе плетеным кнутом и погнал вслед за уже поворачивающим на Абрамовскую улицу Пименовым.

На реку они выехали почти одновременно, остановились возле штабелей леса, стасканного на берег еще летом и оставленного до распиловки на лесопильне, стоявшей неподалеку. Сегодня, в праздничные дни, она была закрыта, и лишь сторож в большом тулупе, с колотушкой под мышкой, пританцовывал подле ворот, поглядывая на крестьянские обозы, едущие через реку. Пологий берег был сплошь укатан многочисленными полозьями саней, а дальше, по льду, тянулись две дороги: одна на ту сторону деревеньки Савиной, а другая уходила, извиваясь широкой лентой, вниз по Иртышу, сворачивала вправо у Базарной площади, а дальше шла возле крутоярья городского холма, нависшего сверху хищно, как зверь перед броском. Далее, ближе к сизой дымке горизонта, ледовая дорога терялась, поблескивая издали синезелеными искорками накатанного льда, словно по замерзшему оконному стеклу прошел острый отчерк алмазного камня.

Пименов дождался, когда санки Зубаревых остановились рядом с ним, и, весело подмигнув, спросил:

– До Глубокого буерака погнажи? Идет?

– Идет, – согласился Василий Павлович, прикидывая на глаз расстояние, – версты с две будет...

– А сколь не будет, все наши, – засмеялся Васька Пименов. – Трогаем?!

– Айда! – щелкнул кнутом Зубарев, свистнул по-особенному, с переливом, да так, что оба жеребца прижали уши, вздрогнули и рванулись вперед, широко выбрасывая ноги и кося друг на друга налитыми кровью глазами.

Орлик оказался более резвым, проворным и с ходу обошел Валета, вылетел на середину ледяной дороги, мерно пошел, набирая ход легко и непринужденно. Иван оглянулся назад и увидел, как Пименов, так же как и отец, стоявший на ногах во весь рост, что-то кричит и охаживает кнутом вытянувшего вперед шею Валета. Проскочили поворот на Базарную площадь, дорога дальше пошла чуть уже, и Орлик неся по ней стрелой, не оставляя сопернику ни малейшего шанса на успех. Вот уже показалась темная впадина Глубокого буерака, куда тоже уходила ответвленная от основной дорога. Зубарев-старший время от времени поглядывал назад, уже предвкушая победу над другом, как навстречу им из-за поворота показались крестьянские розвальни, с мерно бредущей, покрытой изморозью поверх наброшенной на нее рогожной попонкой небольшой каурой с длинной шерстью по бокам лошаденки.

– Эй, – закричал призывно Василий Павлович, – берегись! – Но лошадь как шла им навстречу, так и продолжала идти. – Спит он там, что ли? – выругался Зубарев-старший и начал понемногу натягивать поводья, боясь на полном ходу сшибиться с встречными саними. Орлик сбавил шаг, и Пименов тут же нагнал их, закричал что-то сзади. – Вот паскудство какое, объезжать их придется, – чертыхнулся Василий Павлович и направил жеребчика с накатанной дороги по целине, чтоб избежать столкновения. В это время возница проснулся, закрутил головой, увидев несущегося прямо на него взмыленного жеребца, дернул поводья и тяжело съехал в сторону, сняв при этом шапку с головы и на всякий случай поклонившись встречным.

– Черт бы тебя побрал, засону! – Зубарев зло сверкнул глазами на растерявшегося мужика, направил Орлика обратно на санный путь, но было поздно. Пименовские санки проскочили по освободившейся дороге прямо у него под носом и без остановки пошли дальше. Иван увидел смеющееся лицо Натальи, повернувшейся назад и возбужденно размахивающей руками, видно, и ей передалось чувство азарта, радости и пьянящего восторга победы, и столько блеска было в ее широко распахнутых глазах, что Иван удивился, никогда прежде не видевший ее такой, и даже горечь поражения скрасилась от открывшейся ему красоты девушки...

Василий Павлович лишь кисло улыбнулся на бахвальство удачливого соперника, что поджидал их у поворота, приплясывая на утоптанном снегу.

– А я думал, уже все, не догоню тебя, – возбужденно кричал тот. – Ай нет, обошел!

– Случай помог, – отмахнулся Василий Павлович.

– Случай-то случай, да запросто так он не каждому дается. Оно и в жизни так поставлено: одному удача сызмальства светит, а другой, сколь ни ломается, ни горбатится, а все нужду одолеть никак не может. Так говорю, дочка? – обратился к улыбающейся из санок Наталье. – Магарыч с тебя, Палыч. Не откажешься?

– Давай-ка еще на обратном пути потягаемся, – предложил тот, – мой-то все одно ровней идет, и не эти чертовы сани, так сидел бы ты у меня в хвосте, не радовался сейчас, – не сдавался Зубарев.

Ивану интересно и весело было смотреть на отца, который, вырвавшись от домашних повседневных забот, мигом преобразился, помолодел, даже походка стала иной, твердой, легкой. Смешило, как он переживал за случайный проигрыш, пытался доказать преимущество Орлика, размахивал руками, даже притоптывал ногой в расшитом праздничном валенке. И долго еще, может до самого лета, а то и до следующего года будет переживать, вспоминать неудачу, искать виноватых, при этом в душе оставаясь незлобивым и отходчивым человеком, но всегда остающимся при своем мнении, неуступчивым в малом, по пустякам, и горячим спорщиком по любому поводу. В то же время Иван понимал, что проиграл отец в чем-то более важном, главном, что по-настоящему задело бы его, то тогда он снес бы все молча, без слов и крепких выражений, пережил все, никому не показав кипящих внутри чувств и волнений. Уж так он был устроен, воспитан своим отцом – казаться на людях откровенным донельзя, даже чуть простоватым, незамысловатым мужиком, для которого вся жизнь – Масленица, а частые

неудачи – всего лишь мало значащие неприятности, которые рано или поздно заканчиваются, уходят, и опять горизонт чист и безоблачен. Зато когда Ивану случалось без предупреждения заходить в комнату к отцу, когда он был там один, то он видел совсем иного человека: жесткого и напряженно-сосредоточенного, с узким прищуром суровых, немигающих глаз. Он даже пугался его такого и, смешавшись, старался быстрее уйти, отложить необходимый разговор на другой раз. Он знал, как отцу трудно вести дела, когда каждый, как сегодня на этих скачках, старался обойти, обставить другого, не испытывая ни малейших угрызений совести, когда разорял, пускал по миру такого же купца, как он сам. Таковы были правила игры и мира, в котором они жили.

Пименов так и не дал уговорить себя повторить состязание на обратном пути, и они возвращались уже неторопливой рысью.

– Дай и мне, – взял Иван вожжи из рук отца, вставая на ноги, и попробовал также поудалому свистнуть, щелкнуть кнутом в воздухе. Но это у него плохо получилось, хотя Орлик и так понял, что от него требуется, и перешел на крупную рысь, громко фыркая и недовольно трясая головой.

– Устал он, – дернул сына за край полушубка Зубарев-старший, – не неволь его.

Но Орлик, может, и он был недоволен своим несправедливым проигрышем, легко взял разгон и, как в первый раз, оторвался от Валета, нагнал все те же злополучные дровни, но на сей раз мужик заранее съехал в сторону, освобождая дорогу, лихо пронесся мимо опустившей голову в снег заиндевелой лошади и помчал дальше широкой, крупной рысью, чуть откинув назад голову, покусывая металлические удила. Иван оглянулся и увидел, что Пименов не выдержал, хлестанул своего Валета и погнал следом, возможно, опять надеясь на удачу и новую победу. Но уже перед самым поворотом к городу под копыта Валета попался ледяной катыш, или он оступился, и при этом сбоил, перешел с рыси на резвый галоп, нещадно дергая легкие санки, грозя их перевернуть, оборвать постромки, и Василий Пименов что есть сил навалился, натянул вожжи и с трудом сдержал разбежавшегося жеребца, заставил перейти его на шаг.

Теперь уже хохотал откинувшийся в санках назад Василий Павлович Зубарев, хлопая снятыми рукавицами одна о другую.

– Чего, Васька, – кричал он понуро правившему к ним другу, – получил свое?! Проиграл парню моему, проиграл. А? Каков у меня Иван?! Теперь тебе придется ему магарыч ставить.

– Да, вишь, Валетка сбоил, запнулся малость. Подфартило тебе, а то бы все одно достал твоего молодчика. Я уже и догонять начал... – оправдывался Василий, отирая взмокший лоб. А Наталья выглядывала из-за отца, веселая и озорная, и тоже чего-то выкрикивала, но ее было не слышно за басовитыми, раскатистыми словами Пименова-старшего.

Порешили всем вместе заехать в ближайший трактир отобедать, но Наталья наотрез отказалась, стесняясь признаться, что ни разу не бывала в подобном заведении, а потому поехали в дом к Лимоновым, где уже стоял накрытым праздничный стол и поджидали лишь хозяина с дочкой. Через час Иван с Василием Павловичем, уже подзахмелевшим, разговарившимся, вспотевшим от домашнего тепла, несмотря на предложения хозяев остаться, посидеть еще, насилиу отнекались, вышли со двора, отвязали нетерпеливо перебирающего ногами Орлика. Как только тронулись, Василий Павлович похлопал сына по широкому, уже почти мужичьему плечу и, кивнув на дом Пименовых, спросил:

– Чего, Наталья тебе поглянулась? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Значит, скоро свататься поедом. Добрая девка...

Глава 11

В кабинете тобольского губернатора Алексея Михайловича Сухарева сидели в мягких креслах генерал-майор Карл Иванович Киндерман и поручик Гаврила Алексеевич Кураев. Сам губернатор прохаживался по кабинету, время от времени подходя к столу и бросая взгляд на полученное сегодня утром донесение с передового казачьего поста. В нем сообщалось, что степи пришли в движение джунгарские племена и подошли вплотную к казачьим укреплениям. Дозорные насчитали более пяти тысяч всадников, вооруженных копьями и луками, и полагают, что это лишь часть воинов, а главные силы еще на подходе. Посему у губернатора спрашивалось, как быть казачьей заставе, в которой не было и сотни человек.

– Что скажешь, Карл Иванович? – посмотрел Сухарев на генерала, преспокойно посасывающего мундштук погасшей трубки. – Побьют джунгары казаков и у нас с тобой разрешения не спросят.

– У меня нет приказа выступать с вверенными мне полками, – хладнокровно отвечал Киндерман, ни одним мускулом не выдавая своего отношения к происходящему.

– Значит, ждать будем, пока эти джунгары, а с ними и киргизы, до Тобольска доскачут? Так получается? Они нас кругом обложат, а ты будешь распоряжения ждать?

– Я есть человек военный и жду приказ, – словно на плацу, монотонно и невыразительно пробубнил генерал.

«Эх, немец, он немец и есть», – подумал Сухарев и повернулся к поручику Кураеву за поддержкой:

– А ты что скажешь, Гаврила Алексеевич?

– Нельзя им позволить русскую землю поганить! – Кураев соскочил с кресла и бросил косой взгляд в сторону генерал-майора. – Я надеялся найти его превосходительство на боевых позициях, а... застал в теплом кабинете... – Он хотел еще что-то добавить, но сдержался и сел обратно в кресло.

– Мне есть приказ стоять нахт Тобольску! – неожиданно заволновался Киндерман и с силой ударил трубкой по столу, отчего пепел, перемешанный с табаком, высыпался на зеленое сукно, но он даже не заметил этого и продолжал: – Если вы, молодой человек, – он резко повернул голову к Кураеву, – привезли бы мне приказ выступить, то мой конь уже скакал бы через степь, и солдаты раз-раз следом. Есть приказ? Нет приказ.

– Да будет вам приказ, будет, – не вставая, негромко проговорил Кураев и сделал соответствующую гримасу, давая понять, что он не согласен с действиями старшего по чину.

– Карл Иванович, – примирительно начал Сухарев, – я сегодня же отправлю специального курьера в Санкт-Петербург с сообщением о перемещении джунгарских воинов и более чем уверен, – он подчеркнул интонацией последнюю фразу, – что вам последует распоряжение выступить в степь и встать на защиту наших городов. Только вот туземцы-то ждать бумагу из Петербурга не станут. Не лучше ли будет предупредить их намерения?

– Я не совсем понял, что есть «предупредить намерения»? – пожал узкими плечами Киндерман. – Вы, господин губернатор, предлагаете мне напасть первыми, а потом пойти под суд после международного конфликта?

– Господи, – затряс в воздухе руками губернатор и даже ногой от раздражения дернул, зацепив стул, – о чем вы говорите?.. О чем? Там обычные туземцы, инородцы, кочевники с луками и стрелами, которые, может быть, и не знают, что такое граница и где она проходит. Стоит вам со своими полками показаться в степи, как и духа ихнего не будет. Предыдущие губернаторы всегда так поступали. Понимаете, их пужнуть надо чуть-чуть, самую малость – и все на этом!

– Найд, не понимаю, – стоял на своем Киндерман, – война есть война. Никт ферштейн «пугать», «чуть-чуть», – сквавсив губы, передразнил он губернатора.

– Вот дубина, – негромко проговорил Сухарев, ловя взгляд Кураева. Но генерал хоть и не совсем верно понял смысл, но уловил интонацию сказанного, а потому четко и внятно спросил:

– Вас ист дас – «дубина»? Дубина – это есть лес? Зачем здесь лес?

– В лесу живем, – вздохнул удрученно Сухарев. По всему выходило, что отвечать за гибель казачьих постов придется ему одному. Немец-генерал и этот столичный поручик и шагу не сделают, чтоб помочь ему. А в распоряжении самого губернатора находился лишь полк сибирских казаков, которые к тому же были расквартированы в Таре, Омске, Березове, Тюмени, Якутске, Енисейске. Чтоб их собрать, выдать снаряжение, направить в степь, уйдет не менее месяца. При благоприятных обстоятельствах. А в России, тем более Сибири, благоприятные обстоятельства складываются весьма редко, и к этому губернатор Сухарев давно привык и проклинал тот день, когда дал согласие ехать на службу в Тобольск. Губерния вроде русская, но живут в ней и татары, и остяки, и другие народы, от вольностей и дикости которых ему, главному управителю, сплошные неприятности. Прошлым летом он отправился на дощаниках в Томск и за время дороги только пять раз тонул, его чуть не заели комары, мучился желудком от плохой пищи, и когда они наконец-то прибыли к Томску, то встречающие не могли отличить его от рядового казака, до того ободраным он выглядел и более походил на беглого каторжника, чем на правителя края. А теперь еще эти джунгары, невесть откуда взявшиеся на его голову. Он чувствовал, что дело кончится сенатской комиссией, а там уже и до суда рукой подать. Обвинят во всем тяжком и самое малое – отправят в деревню доживать до конца дней земных. Сухарев прислушался: за стенкой послышались тяжелые шаги, бряцанье по полу кованых подков, чье-то тяжелое дыхание. Дверь распахнулась, в кабинет влетел окровавленный казак в форме подьесаула и крикнул:

– Полицмейстера Балабанова убивают!

– Кто?! – почти одновременно вскрикнули все находившиеся в кабинете.

– Солдаты ваши, – ткнул подьесаул в сторону Киндермана.

– Да что он им сделал, Балабанов? – всполошился Сухарев. – Он человек хоть и строгий, но справедливый. Зря не обидит.

– Ни за что привязались, – начал объяснять казак, – шли мы, значит, к их степенству, купцу Крупенникову. С их благородием, полицмейстером, и со мной еще двое казаков было: Ушаров и Ярков, и я, значит, Афанасий Смолянинов. До рогаток дошли, где Ширванский полк стоит, караул держат. Тут к нам десятка два ребят ваших, – он снова кивнул генералу, – и бегут, орут чего-то. Я еще их благородию и говорю, мол, пошли обратно, а то худа бы не хватить. А он мне: «Я тут в городе поставлен за всем порядком смотреть-приглядывать. Неужто побегу?» Остались мы. Те подсказывают и орут в голос: «С праздником, станишные!» Ну, мы им тожесь степенно ответили, поздоровкались за ручку. Глядь, а они все выпимши изрядненько. Один-то к господину полицмейстеру целоваться полез, а тот возьми и оттолкни его в грудь, ну тот и грохнулся взад себя. Вскакивает и с кулаками, кричит: «Убью!» Мы его оттаскивать начали, а другие солдатики нас хватать за грудки и орут непотребное разное, даже сказывать стыдно...

– Где Балабанов? – перебил подьесаул Сухарев. – Жив он? Говори!

– Я когда лошадь чужую поймал, да поскакал сюда, то жив был. А как там дело дальше сложилось, то мне неизвестно.

– Как ты мог бросить полицмейстера одного? – вскипел губернатор. – Под суд пойдешь!

– Почему бросил? Я за подмогой побег, за вами... – растерялся казак, – а там с ним еще двое наших остались... Тоже побитые, как и я, – и он демонстративно вытер нижнюю губу, из которой сочилась кровь. – За что под суд? Что едва живым ушел вас упредить? Их там уже сотни две набежало...

– Едем, – кинул на ходу Сухарев всем находящимся у него в кабинете, натягивая шубу. – Он что, так посреди улицы и остался? – спросил уже направившегося к двери казака.

– Да нет... – ответил тот, – во двор к оружейному мастеру Прокопию Мячикову затащили едва живого. Прокопий мне свояком приходится, так и помог. Да и ружья у него опять же в наличии...

– Какие ружья? – переспросил Сухарев, внутренне холодея.

– Как какие? Обычные, из которых стреляют. Мы и пальнули пару раз...

– В моих солдат? – изумленно поднял белесые брови генерал Киндерман.

– Поверх голов, для острастки, – переминался с ноги на ногу подьесаул. – Но ежели они на приступ пойдут, ворота ломать начнут, то Прокопий, мужик твердый, он натурально по ним стрелять начнет.

– Коней!!! – взревел губернатор. – Всем со мной, господа офицеры.

– Слушаюсь, – коротко ответил Кураев и кинулся одеваться.

– Я попозже подъеду, – сухо проговорил Киндерман. – Мне еще по делу надо...

– Какие могут быть дела, когда там смертоубийство вот-вот случится?

– Буду позже, – упрямо повторил генерал.

– Тьфу на тебя, – отвернувшись, плюнул под ноги Сухарев и, застегиваясь на ходу, выскочил на улицу.

Возле дома оружейного мастера Мячикова было темно от солдатских голов, покрытых черными поярковыми шляпами, а сами они, в своих темно-зеленых мундирах, сбившись в толпу, похожие издали на волнующийся в непогоду лес, столпились перед закрытыми воротами большого, на десяток окон, дома. В руках почти у всех были палки или доски, выломанные из соседнего забора. Над толпой висел общий крик: «Бей их!» Несколько человек ухватили найденное где-то бревно и дубасили им в ворота, дружно приговаривая на выдохе: «И-и-и-хь-хь-хь!!!» Ворота трещали, но не поддавались. Вдруг из-за ограды грянул раскатисто выстрел, нападающие, бросив свое оружие, откатились назад.

– Пужают! – послышался успокаивающий крик, и ширванцы опять прихлынули к воротам.

– Поджечь их надо! – выкрикнул рослый солдат, стоящий в стороне от остальной толпы.

– Тащи огня! – тут же подхватили остальные.

– Сейчас мы их выкурим!

– Как лисицу из норы!

– Поджарим супостатов!

Послышались удары кресала о камень, потянуло дымом, и губернатор Сухарев с ужасом представил, что может вскоре произойти. На его присутствие пока никто не обращал внимания, увлеченные дракой с полицмейстером.

– Уезжать надобно отсюда да казаков поднимать. Вам, ваше высокопревосходительство, с ними одному не совладать, – подал голос губернаторский кучер Михаила, – сомнут... косточки поломают...

– А с нашими как быть? – ткнул его кулаком в бок подьесаул. – Тоже мне голова два уха. Выручать надо как-то их из беды.

– Чего дерешься? – обиженно взвизгнул кучер.

– А ну, помолчи, – отмахнулся Сухарев, – и без тебя голова кругом идет. Что делать, господин поручик? – растерянно обернулся к сидящему рядом Кураеву.

– Как чего делать? Надобно успокоить как-то ширванцев.

– Успокоишь их, – скривился Сухарев, – они сейчас подгуляли, им и море по колено.

– Вы как желаете, а я к своим через огороды пробираться пойду, – вылез из саней подьесаул Смолянинов. – Прощайте, авось отобьемся. – И он побежал к полуразобранному забору, поглядывая по сторонам.

– Ладно, попробую их урезонить, – обреченно вздохнул Сухарев и тяжело ступил на снег, поправил саблю, направился к отдельно стоящим небольшой кучкой солдатам, которые, похоже, были самые трезвые из всех.

– А ты вот что, – приказал кучеру поручик Кураев, – поезжай округ толпы и прижмись поближе и воротам.

– Не пустят, – закрутил головой в белой бараньей шапке Михайла, но послушно направил коня в объезд бушующих ширванцев.

Меж тем Алексей Михайлович Сухарев обратился к оглянувшимся на него солдатам:

– Здорово, орлы!

– Здравия желаем, ваше высокородь! – недружно, вразброд, ответили они.

– С кем не ладили? На кого войной пошли?

– Да полицмейстер местный, пес шелудивый, укрылся за воротами, а нашим ребятам страсть как хочется выкурить его оттуль да бока намять, – быстро зачастил рыжий, с веснушками на носу, говорливый солдат, не зная, кто стоит перед ним, поскольку на губернаторе была надета плотно застегнутая шуба и он не мог видеть его знаков отличия.

– И не жалко вам, служивые, полицмейстера? Поди, тоже человек божий...

– Божий-то он божий, да нам не пригожий, – не дал губернатору договорить тощий, как хлыст, солдат с длинным носом, достающим едва ли не до верхней губы. – Да и ты бы, ваше высокородь, шел отсель подобру-поздорову, пока тебе шкуру не попортили, – и длинноносый презрительно оглядел губернатора с головы до ног.

– Ишь ты, какой будешь, гусь, – рассердился Сухарев, – да я сейчас прикажу караульному, чтоб свел тебя в острог, да велю прописать полста плетей, тогда будешь знать, как такие слова говорить.

– Да кто ты таков? – вскинулся носатый и, схватив губернатора за обшлага, притянул к себе. – Чем пужать, ты лучше моего кулака отпробуй! – И размахнувшись, со всей силы заехал в глаз Алексею Михайловичу. Тот рванулся, оттолкнул обидчика, при этом шуба его расстегнулась, и столпившиеся вокруг солдаты, ожидавшие нового представления, увидели золотом блеснувшие ордена, большие форменные пуговицы.

– Э-э-э... да то никак генерал... – попятился от губернатора длинноносый.

– Ах, так ты еще драться будешь?! – вконец разозлился Сухарев, держась за глаз. – Да я сейчас тебя! – насккивал он на солдат, выкидывая вперед кулак в лайковой перчатке и тыча в грудь ближних к нему. – Под суд пойдете! Сошлю! Сгною!

Не выдержавшие такого напора солдаты разбежались, не оказав ни малейшего сопротивления.

В это время поручик Кураев заставил-таки Михайлу подъехать вплотную к толпе солдат, которые уже разложили под воротами оружейного мастера Мячикова небольшой костерок и теперь ждали, когда займется пламя, перекинется на деревянные строения, чтоб беспрепятственно ворваться во двор. Поручик влез на облучок и закричал оттуда, перекрывая гул толпы:

– Солдатушки! Разрешите слово сказать...

– Кто таков? Не знаем? – слышались выкрики со всех сторон.

– Из Санкт-Петербурга привез вам важное известие, – пояснил Кураев и краешком глаза заметил, как сбоку от него здоровый детина, плохо державшийся на ногах, занес руку с зажатой в ней палкой, готовясь ударить его, но два других солдата перехватили палку и оттолкнули пьяного товарища в сторону от саней. – А знаете ли вы, что в том известии?

– Да откуда нам знать?

– Перед нами генералы не отчитываются...

– То не нашего ума дело, – вразнойбой отвечали ширванцы, но все они уже подтянулись поближе к Кураеву и с живым интересом ловили каждое сказанное им слово.

– А там говорится, что необходимо вам идти в степь да побить джунгарцев неверных, кои братьям нашим, казакам, силой военной угрожают...

– Знамо дело, побьем. И не таких бивали! – закричал молодой, еще безусый солдат весело. Другие уставились на него, посмеиваясь, а кто-то даже крикнул:

– Нас-то всех и посылать ни к чему. Алешка Савкин всех сам под орех разделает, – показывали пальцами на говорившего.

– Точно, – дружно захохотали все, – и нам не достанется.

– Его первым против супостатов и направим!

– Мне так думается, Алешки вашего одного маловато будет, – широко улыбнулся Гаврила Кураев, чем окончательно завоевал к себе расположение ширванцев, – несколько тысяч тех джунгар прикочевали к пределам нашим. У каждого по луку, по копьё, по сабле вострой...

– Ой, напужал, – захохотали усатые солдаты, показывая пальцами на поручика. – Луки! копьё! сабельки! Да мы, чай, при ружьях, за себя постоим, покажем им, как на нашу землю рыпаться!

– Только вот в чем загвоздка, – продолжал невозмутимо и уже без улыбки Кураев, – генерал ваш, Киндерман, отказывается выступать в степь...

– Это почему отказывается? – выкрикнул усатый унтер, что был по возрасту самый старший из всех. – Коль генерал приказу императрицы не подчинится, то худо его дело.

– Точно! – отозвались остальные. – Худо ему станется...

– Приказа как такового нет, – начал объяснять Кураев, – но из степи, с казачьих постов, поступило донесение, мол, джунгарцы идут толпами на наши крепости. А в Петербурге пока о той новости и не знают...

– Как же не знают, коль нас сюды направили? – выказал удивление все тот же унтер-офицер.

– Вас и направили в Тобольск, чтоб упредить передвижение неверных, а приказа о выступлении до сих пор не прислали.

– Ага, а мы майся здесь без дела уже с самой Пасхи Христовой, – поднялся ропот в толпе.

– И я о том же, – согласился Кураев, – упредить надо неприятеля, а то поздно будет...

– Без приказу не можно, – затряс головой усатый унтер. – За такое самовольство по головке не погладят.

– Генерал может отправить в Санкт-Петербург донесение: мол, ввиду приближения неприятеля выступил вперед для предупреждения его нападения и избежания потери времени. Сейчас время дорого.

– А так можно, – кивнул унтер, выказывая на сей раз хорошее знание воинского устава.

Тут позади поручика взвилось вверх пламя от разгоревшегося костерка, и языки пламени хищно лизнули ворота.

– Откуда огонь взялся? – с деланым удивлением воскликнул Кураев и, спрыгнув на снег из саней, кинулся к костерку, начал затаптывать его ногами. Как ни странно, но несколько солдат поспешили ему на помощь и сообщая они быстро загасили огонь.

– Айда, братцы, расходиться, – тоном приказа заявил унтер. Никто не возражал, все словно забыли про драку, потянулись к домам, где были расквартированы, а несколько человек подошли к Кураеву с вопросом:

– Так все же пойдем мы на войну с неверными али еще здесь околачиваться до лета будем?

– Вот сами о том своего генерала и спросите, – отвечал Кураев.

В это время из боковой улочки к ним выскочили санки, запряженные парой резвых лошадей, в которых восседал сам генерал-майор Киндерман, и с ним два его офицера с мрачными лицами. Офицеры быстро выскочили из санок и кинулись меж солдат, вглядываясь в лица, ища среди них старших по званию. Солдаты спешили пройти мимо, отворачивали голову, чтоб не

быть узанным и тем самым избежать наказания за драку. Киндерман же выпрямился и громко закричал:

– Почему нарушал порядок? Кто позволил? Марш, марш бегом!

Солдатам только этого было и надо, и они кинулись врассыпную, и вскоре перед домом мастера Мячикова остался лишь Гаврила Кураев, губернатор и сам генерал. Сухарев, прикладывая к подбитому глазу снег и костерящий на чем свет стоит и солдат, и генерала Киндермана, который победно взирал на всех, словно только что одержал неслыханную победу над неприятелем. Офицеры его отправились вслед за солдатами, чтоб окончательно навести порядок и привлечь к ответу главных зачинщиков.

– Спасибо вам большое, – обратился Сухарев к поручику, – а то бы не знаю, чем дело кончилось. Умеете вы с ними говорить.

– Приходилось, – просто ответил тот и, подойдя ко все еще запертым воротам, застучал в них, забрякал навесным кольцом. – Эй, вы там живы, или как? Выходите, кончилась осада!

Звякнула щеколда, и дверная калитка осторожно открылась, в щель выглянула чья-то взъерошенная голова, судя по всему, одного из казаков, что были с полицмейстером.

– А солдаты точно ушли? – спросил казак и открыл калитку пошире. В руке он держал ружье с длинным стволом, выставив его вперед.

– Ушли, ушли, – успокоил Кураев.

– Как там полицмейстер? Жив? – подошел к ним Сухарев.

– Живой куда, ругается только крепко, – отвечали ему из-за ворот.

– Так где он?

– В дом унесли с пробитой головой.

– Давайте, кладите его мои санки, повезу в госпиталь на излечение.

Полицмейстера Балабанова вынесли на руках из дома, осторожно опустили в санки, и Сухарев сел рядом, поддерживая окровавленную голову блюстителя порядка.

– Генерал, велите примерно наказать виновных, – крикнул Алексей Михайлович стоящему неподалеку с удрученным видом Киндерману.

– А вам, господин поручик, придется поехать вместе с генералом, – развел руками губернатор, – или если хотите, то я пришлю кого-нибудь за вами.

– Не утруждайте себя, ваше высокопревосходительство, – отказался Кураев, – я найду способ добраться.

– Уж я им буду показать, – скрипнул зубами Киндерман, когда губернаторские санки скрылись за поворотом, – они все поймут, что у меня нельзя бунтовать, нельзя пить много пиво... – и добавил что-то неразборчиво по-немецки.

– Я бы, господин генерал, со своей стороны, советовал вам выступать немедленно, – озабоченно заговорил Кураев, – а то тут и до греха недолго. Солдат наш безделья не любит. Портит его оно. Так что подумали бы...

– Да, теперь я увидел это, – генерал свел свои светлые брови на переносье, – надо готовить поход. Зер гут. Буду писать рапорт нахт Петербург и отправлю с вами немедленно.

– А разве у вас нет специально на то курьера? – мягко спросил поручик. – Если честно, то у меня совсем иные планы.

– Вот как? – удивился Киндерман. – Я не буду настаивать, офицер есть.

– Вот и хорошо, а я бы попросил вашего разрешения выступить вместе с вашим полком, господин генерал, на боевые позиции. Кроме всего прочего, мне поручено пренебреженно побывать в степи и доложить лично, кому следует по службе, о положении дел с тамошними инородцами.

– Как вам будет угодно, – сухо ответил генерал и отвернулся, дав понять, что разговор окончен.

В середине недели, когда чуть поутихли сибирские морозы, из города под барабанный бой выступил Ширванский полк с развернутыми знаменами. Солдаты плотными шеренгами промаршировали по узеньким улочкам, незаметно сощелкивая с усов быстро намерзающие сосульки, подмигивая встречающимся молодухам и взгромоздившимся на заборы и ворота мальчуганам. Впереди на гнедом коне ехал сам генерал-майор Карл Иванович Киндерман, прикрывая лицо от встречного ветерка теплой перчаткой. Следом за ним везли несколько приданных полку пушек, подпрыгивающих на выбоинах дороги, затем ехали офицеры, и меж ними гордо красовался Гаврила Алексеевич Кураев, а в конце колонны тянулся его рыдван с сопровождающими своего поручика солдатами.

После ухода военных в городе стало совсем безлюдно и покойно. Большинство горожан с благодарностью к милости Божией перекрестились и облегченно вздохнули, освободившись от воинского люда и посягательств на честь своих жен и дочерей. Полицмейстер Балабанов провалялся после госпиталя у себя на квартире до самой Масленой недели и после выздоровления стал как-то незаметнее и во многих делах покладистее. Обрадованные такой переменой тоболяки шептались: «Проучили солдатики малость нашего супостата, глядишь, запомнит науку...»

Глава 12

А в семействе Зубаревых начали всерьез готовиться к свадьбе сына. Решено было ехать свататься на Благовещение и, переждав Великий пост, при благоприятном ответе со стороны отца невесты, Василия Пименова, в чем Василий Павлович Зубарев нимало не сомневался, закатить по всем правилам свадьбу. Отец с сыном несколько раз выезжали на Орлике как бы покататься, но на самом деле Зубарев-старший имел надежду еще раз повстречать на улице ненароком и Ваську Пименова, перекинуться с ним парой слов, подготовить таким образом к сватовству, незаметно намекнуть на это. Но на беду тот не попадался им ни пеший, ни конный, а вскоре они узнали, что он, верный своим привычкам, умчался куда-то «по своим делам», как всегда, ничего толком не объяснив даже домашним.

– Вернется вскорости, – успокаивал Василий Павлович жену, – никуда не денется...

Но прошло уже Сретение Господне, православный народ дружно и со смирением держал Великий пост, потекли сугробы, осев более чем вполовину былой величины. Благовещение на подходе, а Василий Пименов в город все не возвращался. Не утерпел Василий Павлович, принарядился и отправился к ним в дом, будто по делу какому. Встретила его Натальяна мать, сухая невысокая женщина с погасшим светом в глазах, Гликерия Фроловна, на чьем попечении и был зачастую дом во время частых отлучек хозяина.

– Входи, входи, Василий Палыч, – приветствовала она нежданного гостя, моргнув дочери, чтоб шла в свою комнатку, – мово-то нет дома, ежели по делу, а если посидеть, чайку похлебать, то и я сгожусь.

– Куда же он подевался? – делано удивился Зубарев-старший, внимательно оглядывая убранство комнаты, ища опытным взглядом следы достатка, слаженной работы женских рук. Особого достатка он не увидел, – как и в большинстве домов, домотканые половички, расписные стенки и двери, из китайки занавеси на окнах, неизменная горка подушек на большущей кровати, темные образа в красном углу с лампадкой перед ними и до белизны выскобленный, не покрытый скатертью обеденный стол и лавки по стенам. Но многочисленные вышивки, кружева сами за себя говорили о рукодельницах, содержащих дом в порядке и чистоте.

«Добре, добре, – думал про себя Зубарев, – знать, у Натальи игла в пальцах держаться будет, добре...»

– И что ему вновь на ум взбрело... – со вздохом отчитывала мужа Гликерия Фроловна, – как блохами накусанный, умчался, одного только Тишку из работников и взял с собой, вертопрах этакий. Другие мужики, как мужики, приказных заместо себя отправляют и на ярмарки, и по иным делам торговым, а мой... прости Господи, на месте недели не усидит. Соседей и то чаще вижу, нежели мужа законного.

– Вернется, – монотонно вставил занятый своими мыслями Зубарев.

– Вернуться-то вернется, а потом опять усвищет. Знаю я его. Тут к Наталье сватов грозились заслать, – хитро глянула хозяйка на гостя, – а кто их слать будет, коль хозяина дома сроду не застать.

– Сватов? К Наташке? – встрепенулся мигом Василий Павлович – А кто свататься собрался? Я, поди, и знаю их?

– Поди, и знаешь, – кивнула головой Гликерия Фроловна, – да чего о том ране времени говорить, коль не приехали покуль, а лишь грозились...

– Так оно так, – поддакнул Зубарев, – а я вот к Василию по делу...

– Может, я чем помогу?

– Хотел про цены на муку, на лен узнать, какие нынче по весне будут, – ответил тот заранее приготовленной фразой.

– А у иных купцов нельзя никак узнать? Не сказывают, что ль? – вкрадчиво спросила хозяйка и, не дождавшись ответа, продолжила: – Чай будешь пить али так посидишь?

– Да пойду уже, – поднялся Василий Павлович, – обоз готовить надо.

– Ну, спаси, Господи, – перекрестила его вслед хозяйка. – Я хозяину-то скажу, что ты захаживал.

– Скажи, скажи, Фроловна, – надевая шапку, на пороге ответил тот, продолжая думать о своем.

Примчался Василий Пименов к кануну Светлого Воскресения. Зубаревы узнали о том на следующий день от знакомых, что видели его на базаре, но ехать свататься перед самой Пасхой было неловко, решили выждать срок, чтоб отправиться как должно, как принято у всех добрых людей. Но на Светлый четверг, вечером, в дом к ним заявился чем-то опечаленный Михаил Яковлевич Корнильев и, не успев снять шубы, сообщал с порога:

– С Федором, братом моим, горе случилось.

– Да что такое? Он вроде как с обозом в степь отправился на торги? – удивился Василий Павлович, стоявший вместе с Иваном на пороге горницы.

– Именно так. А вчера прискакал оттудова верный человек и сообщал, что киргизы его со всем обозом к себе увели и выкуп немалый требуют.

– Да сроду такого не припомню, – всплеснула руками бывшая здесь же, в прихожей, Варвара Григорьевна.

– Не тронь лиха, пока лежит тихо, – сокрушенно вздохнул Корнильев, присаживаясь на лавку в горнице, куда они прошли для разговора.

– Большой выкуп требуют? – поинтересовался Зубарев, заранее зная, что Михаил впрямую не ответит, уйдет в сторону.

– Солидный выкуп, – уклончиво ответил тот, – да не в выкупе даже и дело...

– Еще чего просят?

– Дело в том, как выкуп тот надобно им в стойбище доставить. Сам я ехать не могу, дел непроворот, у Алексея стекольная фабрика, не бросишь, Василий, младший наш, – Зубарев кивнул понятливо головой, ему были знакомы приемы младшего Корнильева и его умение выходить сухим из воды, – захворал, занемог, как про то известие услышал. Дело-то такое, можно и без головы, с такими деньгами едучи, остаться, – провел он ладонью по горлу.

– Так ведь туда полки наши ушли, в степь, – встрял Иван Зубарев.

– Вот из-за них киргизцы как раз и озлились. Солдаты, видать, поразорили их стойбища, скот поугоняли, а может, еще чего, в общем, киргизцы обещали всех купцов, кто мимо них ехать будет, ловить, у себя держать, пока за них выкуп не дадут.

– Выкуп-то они возьмут, – почесал в затылке Василий Павлович, – а вот отпустят ли Федора с миром? Я их норов давненько знаю, имел дело с ихним братом.

– Вот как тут поступать? – перекрестившись на темные образа, спросил Михаил Яковлевич. – Казаков нанимать, чтоб отбили Федора?

– А чего б не попробовать? – шмякнул кулаком по столу Василий Павлович, которого самого несколько лет назад хорошо пощипали в степи, после чего он более года расплачивался за взятые в долг товары.

– Что ты, Иван, скажешь? – обратился Корнильев к младшему Зубареву.

– Я б не так поступил, – скупно ответил тот.

– Да? И как же? Скажи, послушаем.

– Надо ихнего старшину похитить или кого иного из иных знатных людей, а потом и поменять на Федора.

– Ишь ты каков?! – покрутил головой Михаил Яковлевич. – Только кто за такое дело рисковое возьмется? Уж не ты ли?

– Возмусь, – спокойно ответил он, и глаза у него зажглись. Отец, хорошо знавший, что обозначает этот блеск, только крякнул и громко высморкался.

– Чего скажешь? – Корнильев глянул на Зубарева-старшего.

– Ох и хитер ты, Михаил, – Василию Павловичу подобная затея сына была явно не по душе, – знал, неспроста ты к нам зашел. Опять станешь Ивана сбивать на дурь какую. Все тебе мало... И так едва из острога его выручили. Пущай пожил бы хоть чуток без азарту, или не знаешь, каков он? Мы тут собрались было свататься... – На этих словах Василий Павлович прикусил язык, поняв, что сказанул лишку, но было уже поздно, и Корнильев заулыбался и лукаво сощурился.

– А-а-а... вон оно в чем дело? И к кому свататься собрались? Отчего я о том ничего не знаю? Вот молчальники великие! Нехорошо, ой, нехорошо родных людей забывать...

– Зато ты о нас, Мишка, помнишь. Чего Федора не остановил, когда он в такое время в степь поехал? Знал, поди, что солдаты на войну отправились, добра не жди, – продолжал выговаривать ему Зубарев-старший, но по тону было видно, что он уже помягчал, смирился с мыслью, что сыну придется ехать в степь на выручку богатого родственника.

– Ладно, ладно, – примирительно взял за руку разошедшегося хозяина Корнильев, – я же не задаром его об услуге прошу, заплачу за брата родного. Сын у тебя, Василий Палыч, вон каков, башковитый, за печкой его не упрячешь, – и он похлопал по плечу своего двоюродного брата, который засмутился, потупил глаза, и легкий румянец окрасил его слегка смуглые щеки.

– Чего ты, отец, испугался? Не впервой мне, вывернусь...

– Ага, вывернешься. Тулуп выворачивали, выворачивали, пока на две половины не разорвали. Киргизцы, они шутить не станут, пырнут ножичком в брюхо, и поминай, как звали. А ножички у них знаешь какие? Во! Насквозь выйдет и еще останется.

– Поди, не дойдет до смертоубийства, – попробовал успокоить Зубарева Михаил Корнильев, – не тот человек у тебя Иван, чтоб пузо свое под нож киргизский подставлять. Так говорю?

– Решайте сами, – махнул расстроенный Василий Павлович и пошел из горницы, – но чтоб через месяц был тут, а то... – и, не договорив, ушел к себе в кабинетик.

Двоюродные братья, оставшись одни, переглянулись, и Михаил, который был на добрых полтора десятка лет старше Ивана, подмигнул тому и, перейдя на шепот, спросил:

– Значит, под венец идти собрался? Набегался по девкам уже? Гляди, не прогадай. Жена как голова, одна до самой смерти дается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.